

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

РИСУНКИ
В.ЛОСИНА

Денискины
рассказы

«МАЛЫШ»

Книга детства

Виктор Драгунский

Денискины рассказы (сборник)

«АСТ»

1959-1970

УДК 821.161.1-32-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Драгунский В. Ю.

Денискины рассказы (сборник) / В. Ю. Драгунский — «АСТ»,
1959-1970 — (Книга детства)

ISBN 978-5-17-089500-7

Знаменитые «Денискины рассказы» Виктора Юзефовича Драгунского уже больше полувека любимы читателями. Рассказы Дениски Кораблева входят в школьную программу по литературе, они издаются и переиздаются с неизменным успехом. Наша книга – особенная. Иллюстрации к ней выполнены выдающимся отечественным иллюстратором детской книги Лосиным Вениамином Николаевичем, который много раз рисовал «Денискины рассказы». В нашей книге впервые собраны самые лучшие варианты иллюстраций В. Лосина, публиковавшиеся в различных изданиях. Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-32-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089500-7

© Драгунский В. Ю., 1959-1970

© АСТ, 1959-1970

Содержание

Про папу моего	6
«Он живой и светится...»	10
Тайное становится явным	14
Не пиф, не паф!	17
Что я люблю	20
...И чего не люблю!	22
Заколдованная буква	26
Куриный бульон	28
Слон и радио	33
Зелёные леопарды	37
Сверху вниз, наискосок!	42
Удивительный день	46
И мы!..	58
Хитрый способ	62
Друг детства	66
Одна капля убивает лошадь	70
Красный шарик в синем небе	74
Подзорная труба	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Виктор Юзефович Драгунский

Денискины рассказы

© Драгунский В. Ю., наследники, 2014

© Драгунская К. В., предисловие, 2014

© Чижиков В. А., послесловие, 2014

© Лосин В. Н., иллюстрации, насл., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Про папу моего

Когда я была маленькая, у меня был папа. Виктор Драгунский. Знаменитый детский писатель. Только мне никто не верил, что он мой папа. А я кричала: «Это мой папа, папа, папа!!!» И начинала драться. Все думали, что он мой дедушка. Потому что он был уже совсем не очень молодой. Я – поздний ребенок. Младшая. У меня есть два старших брата – Ленья и Денис. Они умные, ученые и довольно лысые. Зато всяких историй про папу знают гораздо больше, чем я. Но раз уж не они стали детскими писателями, а я, то написать чего-нибудь про папу обычно просят меня.

Мой папа родился давным-давно. В 2013 году, первого декабря, ему исполнилось бы сто лет. И не где-нибудь там он родился, а в Нью-Йорке. Это вот как вышло – его мама и папа были очень молодые, поженились и уехали из белорусского города Гомеля в Америку, за счастьем и богатством. Про счастье – не знаю, но с богатством у них совсем не сложилось. Питались они исключительно бананами, а в доме, где они жили, бегали здоровенные крысы. И они вернулись обратно в Гомель, а через некоторое время переселились в Москву, на Покровку. Там мой папа плохо учился в школе, зато любил читать книжки. Потом он работал на заводе, учился на актера и работал в Театре сатиры, а еще – клоуном в цирке и носил рыжий парик. Наверное, поэтому у меня волосы – рыжие. И в детстве я тоже хотела стать клоуном.

Дорогие читатели!!! Меня часто спрашивают, как поживает мой папа, и просят, чтобы я его попросила еще что-нибудь написать – побольше и посмешней. Не хочется вас огорчать,

но папа мой давно умер, когда мне было всего шесть лет, то есть тридцать с лишним лет назад получается. Поэтому я помню совсем мало случаев про него.

Один случай такой. Папа мой очень любил собак. Он все время мечтал завести собаку, только мама ему не разрешала, но наконец, когда мне было лет пять с половиной, в нашем доме появился щенок спаниеля по имени Тото. Такой чудесный. Ушастый, пятнистый и с толстыми лапами. Его надо было кормить шесть раз в день, как грудного ребенка, отчего мама немножко злилась... И вот однажды мы с папой приходим откуда-то или просто сидим дома одни, и есть что-то хочется. Идем мы на кухню и находим кастрюльку с манной кашей, да с такой вкусной (я вообще терпеть не могу манную кашу), что тут же ее съедаем. А потом выясняется, что это Тотошина каша, которую мама специально заранее сварила, чтобы ему смешать с какими-то витаминами, как положено щенкам. Мама обиделась, конечно. Безобразие – детский писатель, взрослый человек, и съел щенячью кашу.

Говорят, что в молодости мой папа был ужасно веселый, все время что-нибудь придумывал, вокруг него всегда были самые клевые и остроумные люди Москвы, и дома у нас всегда было шумно, весело, хохот, праздник, застолье и сплошные знаменитости. Этого я, к сожалению, уже не помню – когда я родилась и немножко подросла, папа сильно болел гипертонией, высоким давлением, и в доме нельзя было шуметь. Мои подруги, которые теперь уже совсем взрослые тетеньки, до сих пор помнят, что у меня надо было ходить на цыпочках, чтобы не беспокоить моего папу. Даже меня к нему как-то не очень пускали, чтобы я его не тревожила. Но я все равно проникала к нему, и мы играли – я была лягушонком, а папа – уважаемым и добрым львом.

Еще мы с папой ходили есть бублики на улицу Чехова, там была такая булочная, с бубликами и молочным коктейлем. Еще мы были в цирке на Цветном бульваре, сидели совсем близко, и когда клоун Юрий Никулин увидел моего папу (а они вместе работали в цирке перед войной), он очень обрадовался, взял у шпрыхсталмейстера микрофон и специально для нас спел «Песню про зайцев».

Еще мой папа собирал колокольчики, у нас дома целая коллекция, и теперь я продолжаю ее пополнять.

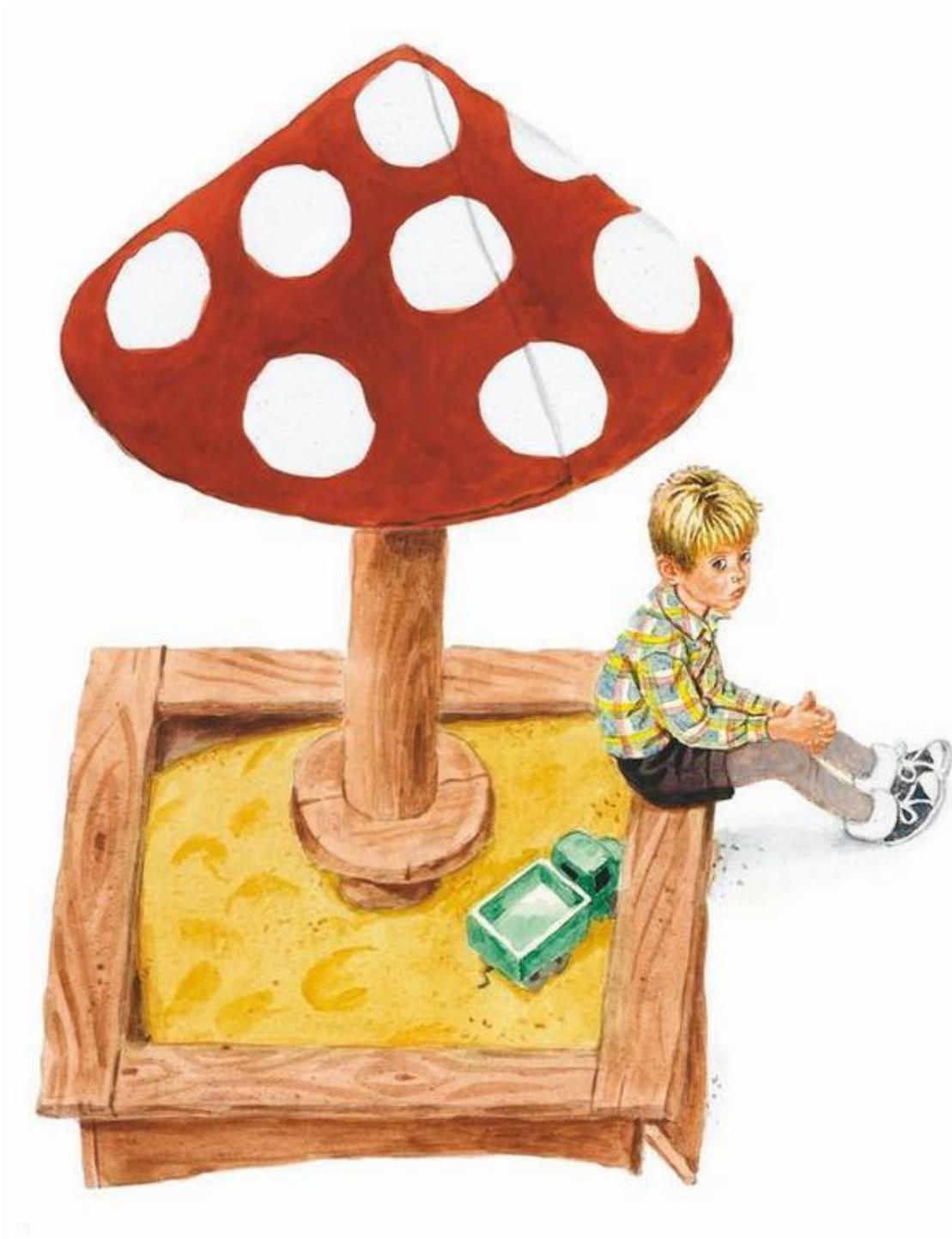
Если читаешь «Денискины рассказы» внимательно, то понимаешь, какие они грустные. Не все, конечно, но некоторые – просто очень. Я не буду сейчас называть, какие. Вы сами перечитайте и почувствуйте. А потом – сверим. Вот некоторые удивляются, мол, как же это удалось взрослому человеку проникнуть в душу ребенка, говорить от его лица, прямо как будто самим ребенком и рассказано?.. А очень просто – папа так всю жизнь и оставался маленьким мальчиком. Точно! Человек вообще не успевает повзрослеть – жизнь слишком короткая. Человек успевает только научиться есть, не пачкаясь, ходить, не падая, что-то там делать, курить, врать, стрелять из автомата, или наоборот – лечить, учить... Все люди – дети. Ну, в крайнем случае – почти все. Только они об этом не знают.

Помню про папу я, конечно, не много. Зато умею сочинять всякие истории – смешные, странные и грустные. Это у меня от него.

А мой сын Тема очень похож на моего папу. Ну, вылитый! В доме в Каретном Ряду, где мы живем в Москве, живут пожилые эстрадные артисты, которые помнят моего папу молодым. И они Тему так и называют – «Драгунское отродье». И мы вместе с Темой любим собак. У нас на даче полно собак, а те, которые не наши, просто так приходят к нам пообедать. Однажды пришла какая-то полосатая собака, мы ее угостили тортом, и ей так понравилось, что она ела и от радости гавкала с набитым ртом.

Вот...

Ксения Драгунская

«Он живой и светится...»

Однажды вечером я сидел во дворе, возле песка, и ждал маму. Она, наверно, задерживалась в институте, или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверно, пили чай с бубликами и брынзой, а моей мамы все еще не было...

И вот уже стали зажигаться в окна огоньки, и радио заиграло музыку, и в небе задвигались темные облака – они были похожи на бородатых стариков...

И мне захотелось есть, а мамы все не было, и я подумал, что, если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждет меня где-то на краю света, я бы моментально к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял ее сидеть на песке и скучать.

И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:

– Здорово!

И я сказал:

– Здорово!

Мишка сел со мной и взял в руки самосвал.

– Ого! – сказал Мишка. – Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Ее можно вертеть? Да? А? Ого! Дашь мне его домой?

Я сказал:

– Нет, не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.

Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало еще темнее.

Я смотрел на ворота, чтоб не пропустить, когда придет мама. Но она все не шла. Видно, встретила тетю Розу, и они стоят и разговаривают и даже не думают про меня. Я лег на песок.

Тут Мишка говорит:

– Не дашь самосвал?

– Отвяжись, Мишка.

Тогда Мишка говорит:

– Я тебе за него могу дать одну Гватемалу и два Барбадоса!

Я говорю:

– Сравнил Барбадос с самосвалом...

А Мишка:

– Ну, хочешь, я дам тебе плавательный круг?

Я говорю:

– Он у тебя лопнутый.

А Мишка:

– Ты его заклеишь!

Я даже рассердился:

– А плавать где? В ванной? По вторникам?

И Мишка опять надулся. А потом говорит:

– Ну, была не была! Знай мою доброту! На!

И он протянул мне коробочку от спичек. Я взял ее в руки.

– Ты открой ее, – сказал Мишка, – тогда увидишь!

Я открыл коробочку и сперва ничего не увидел, а потом увидел маленький светло-зеленый огонек, как будто где-то далеко-далеко от меня горела крошечная звездочка, и в то же время я сам держал ее сейчас в руках.

– Что это, Мишка, – сказал я шепотом, – что это такое?

– Это светлячок, – сказал Мишка. – Что, хорош? Он живой, не думай.

– Мишка, – сказал я, – бери мой самосвал, хочешь? Навсегда бери, насовсем! А мне отдай эту звездочку, я ее домой возьму...

И Мишка схватил мой самосвал и побежал домой. А я остался со своим светлячком, глядел на него, глядел и никак не мог наглядеться: какой он зеленый, словно в сказке, и как он хоть и близко, на ладони, а светит, словно издалека... И я не мог ровно дышать, и я слышал, как стучит мое сердце, и чуть-чуть колело в носу, как будто хотелось плакать.

И я долго так сидел, очень долго. И никого не было вокруг. И я забыл про всех на белом свете.

Но тут пришла мама, и я очень обрадовался, и мы пошли домой. А когда стали пить чай с бубликами и брынзой, мама спросила:

– Ну, как твой самосвал?

А я сказал:

– Я, мама, променял его.

Мама сказала:

– Интересно! А на что?

Я ответил:

– На светлячка! Вот он, в коробочке живет. Погаси-ка свет!

И мама погасила свет, и в комнате стало темно, и мы стали вдвоем смотреть на бледно-зеленую звездочку.

Потом мама зажгла свет.

– Да, – сказала она, – это волшебство! Но все-таки как ты решился отдать такую ценную вещь, как самосвал, за этого червячка?

– Я так долго ждал тебя, – сказал я, – и мне было так скучно, а этот светлячок, он оказался лучше любого самосвала на свете.

Мама пристально посмотрела на меня и спросила:

– А чем же, чем же именно он лучше?

Я сказал:

– Да как же ты не понимаешь?! Ведь он живой! И светится!..

Тайное становится явным

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

– ...Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

– Что это значит, мама: «Тайное становится явным»?

– А это значит, что если кто поступает нечестно, все равно про него это узнают, и будет ему стыдно, и он понесет наказание, – сказала мама. – Понял?.. Ложись-ка спать!

Я почистил зубы, лег спать, но не спал, а все время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни. Я опять почистил зубы и стал завтракать.

Сначала я съел яйцо. Это еще терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

– Ешь! – сказала мама. – Безо всяких разговоров!

Я сказал:

– Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

– Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей! Ешь. Ты должен поправиться.

Я сказал:

– Я ею давлюсь!..

Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

– Хочешь, пойдём с тобой в Кремль?

Ну еще бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И еще там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

– Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!

Тогда мама улыбнулась:

– Ну вот, съешь всю кашу, и пойдём. А я пока посуду вымою. Только помни – ты должен съесть все до дна!

И мама ушла на кухню.

А я остался с кашей наедине. Я пошлепал ее ложкой. Потом посолил. Попробовал – ну, невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Еще хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажурился и выпил ее. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Все равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, почти все можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверно, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол.

В это время вошла мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:

– Ну что за Дениска, что за парень-молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идем на прогулку в Кремль! – И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошел милиционер. Он сказал:

– Здравствуйте! – и подошел к окну, и поглядел вниз. – А еще интеллигентный человек.

– Что вам нужно? – строго спросила мама.

– Как не стыдно! – Милиционер даже стал по стойке «смирно». – Государство предоставляет вам новое жилье, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!

– Не клеветайте. Ничего я не выливаю!

– Ах не выливаете?! – язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: – Пострадавший!

И к нам вошел какой-то дяденька.

Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.

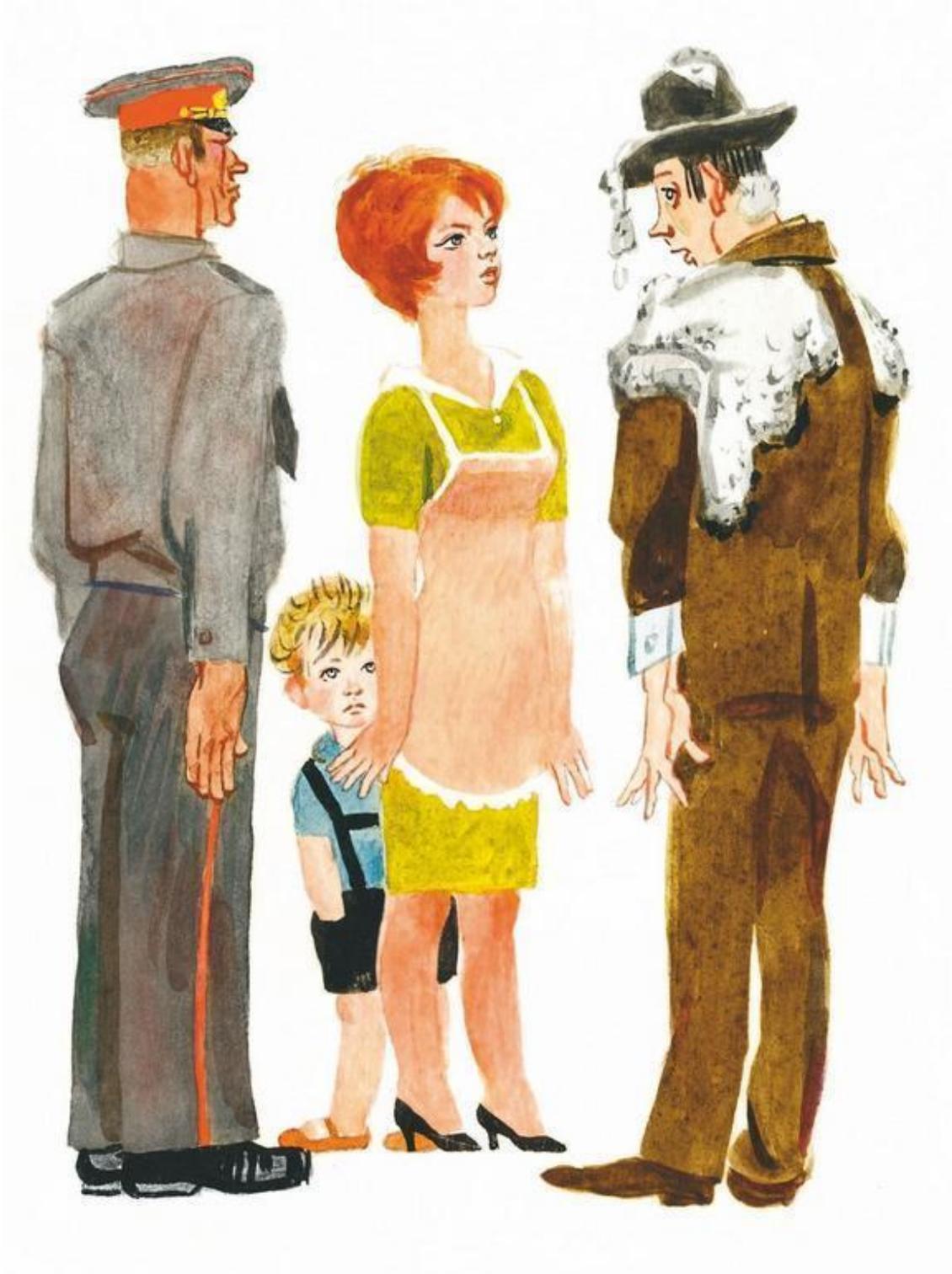
На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. Он как вошел, сразу стал заикаться:

– Главное, я иду фотографироваться... И вдруг такая история... Каша... мм... манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... жжет... Как же я пошлю свое... фф... фото, когда я весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у нее стали зеленые, как крыжовник, а уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

– Извините, пожалуйста, – сказала она тихо, – разрешите, я вас почищу, пройдите сюда!

И они все трое вышли в коридор.

А когда мама вернулась, мне даже страшно было на нее взглянуть. Но я себя пересилил, подошел к ней и сказал:

– Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

– Ты это запомнил на всю жизнь?

И я ответил:

– Да.

Не пиф, не паф!

Когда я был дошкольником, я был ужасно жалостливый. Я совершенно не мог слушать про что-нибудь жалостное. И если кто кого съел, или бросил в огонь, или заточил в темницу, — я сразу начинал плакать. Вот, например, волки съели козлика, и от него остались рожки да ножки. Я реву. Или Бабариха посадила в бочку царицу и царевича и бросила эту бочку в море. Я опять реву. Да как! Слезы бегут из меня толстыми струями прямо на пол и даже сливаются в целые лужи.

Главное, когда я слушал сказки, я уже заранее, еще до того самого страшного места, настраивался плакать. У меня кривились и ломались губы и голос начинал дрожать, словно меня кто-нибудь тряс за шиворот. И мама просто не знала, что ей делать, потому что я всегда просил, чтобы она мне читала или рассказывала сказки, а чуть дело доходило до страшного, как я сразу это понимал и начинал на ходу сказку сокращать. За какие-нибудь две-три секунды до того, как случится беда, я уже принимался дрожащим голосом просить: «Это место пропусти!»

Мама, конечно, пропускала, перескакивала с пятого на десятое, и я слушал дальше, но только совсем немножко, потому что в сказках каждую минуту что-нибудь случается, и, как только становилось ясно, что вот-вот опять произойдет какое-нибудь несчастье, я снова начинал вопить и умолять: «И это пропусти!»

Мама опять пропускала какое-нибудь кровавое преступление, и я ненадолго успокаивался. И так с волнениями, остановками и быстрыми сокращениями мы с мамой в конце концов добирались до благополучного конца.

Конечно, я все-таки соображал, что сказки от всего этого становились какие-то не очень интересные: во-первых, очень уж короткие, а во-вторых, в них почти совсем не было приключений. Но зато я мог слушать их спокойно, не обливаясь слезами, и потом все же после таких сказок можно было ночью спать, а не валяться с открытыми глазами и бояться до утра. И поэтому такие сокращенные сказки мне очень нравились. Они делались такие спокойные. Как все равно прохладный сладкий чай. Например, есть такая сказка про Красную Шапочку. Мы с мамой в ней столько напропускали, что она стала самой короткой сказкой в мире и самой счастливой. Мама ее вот как рассказывала:

«Жила-была Красная Шапочка. Раз она напекла пирожков и пошла проведать свою бабушку. И стали они жить-поживать и добра наживать».

И я был рад, что у них все так хорошо получилось. Но, к сожалению, это было еще не все. Особенно я переживал другую сказку, про зайца. Это короткая такая сказочка, вроде считалки, ее все на свете знают:

*Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник выбегает...*

И вот тут у меня уже начинало пощипывать в носу и губы разъезжались в разные стороны, верхняя направо, нижняя налево, а сказка в это время продолжалась... Охотник, значит, вдруг выбегает и...

Прямо в зайчика стреляет!

Тут у меня прямо сердце проваливалось. Я не мог понять, как же это получается. Почему этот свирепый охотник стреляет прямо в зайчика? Что зайчик ему сделал? Что он, первый

начал, что ли? Ведь нет! Ведь он же не задирался? Он просто вышел погулять! А этот прямо, без разговоров:

Пиф-паф!

Из своей тяжелой двустволки! И тут из меня начинали течь слезы, как из крана. Потому что раненный в живот зайчик кричал:

Ой-ой-ой!

Он кричал:

– Ой-ой-ой! Прощайте все! Прощайте, зайчата и зайчиха! Прощай, моя веселая, легкая жизнь! Прощай, алая морковка и хрустящая капуста! Прощай навек, моя полянка, и цветы, и роса, и весь лес, где под каждым кустом был готов и стол и дом!

Я прямо своими глазами видел, как серый зайчик ложится под тоненькую березку и умирает... Я заливался в три ручья горячими слезами и портил всем настроение, потому что меня надо было успокаивать, а я только ревел и ревел...

И вот однажды ночью, когда все улеглись спать, я долго лежал на своей раскладушке и вспоминал беднягу зайчика и все думал, как было бы хорошо, если бы с ним этого не случи-

лось. Как было бы по-настоящему хорошо, если бы только все это не случилось. И я так долго думал об этом, что вдруг незаметно для себя пересочинил всю эту историю:

*Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник выбегает...
Прямо в зайчика...
Не стреляет!!!
Не пиф! Не паф!
Не ой-ой-ой!
Не умирает зайчик мой!!!*

Вот это да! Я даже рассмеялся! Как все складно получилось! Это было самое настоящее чудо. Не пиф! Не паф! Я поставил одно только короткое «не», и охотник как ни в чем не бывало протопал в своих подшитых валенках мимо зайчика. И тот остался жить! Он опять будет играть по утрам на росистой полянке, будет скакать и прыгать и колотить лапками в старый, трухлявый пень. Этакий забавный, славный барабанщик!

И я так лежал в темноте и улыбался и хотел рассказать маме про это чудо, но побоялся ее разбудить. И в конце концов заснул. А когда проснулся, я уже знал навсегда, что больше не буду реветь в жалостных местах, потому что я теперь могу в любую минуту вмешаться во все эти ужасные несправедливости, могу вмешаться и перевернуть все по-своему, и все будет хорошо. Надо только вовремя сказать: «Не пиф, не паф!»

Что я люблю

Я очень люблю лечь животом на папино колено, опустить руки и ноги и вот так висеть на колене, как бельё на заборе. Ещё я очень люблю играть в шашки, шахматы и домино, только чтобы обязательно выигрывать. Если не выигрывать, тогда не надо.

Я люблю слушать, как жук копается в коробочке. И люблю в выходной день утром залезать к папе в кровать, чтобы поговорить с ним о собаке: как мы будем жить просторней, и купим собаку, и будем с ней заниматься, и будем ее кормить, и какая она будет потешная и умная, и как она будет воровать сахар, а я буду за нею сам вытирать лужицы, и она будет ходить за мной, как верный пес.

Я люблю также смотреть телевизор: все равно, что показывают, пусть даже только одни таблицы.

Я люблю дышать носом маме в ушко. Особенно я люблю петь и всегда пою очень громко. Ужасно люблю рассказы про красных кавалеристов, и чтобы они всегда побеждали.

Люблю стоять перед зеркалом и гримасничать, как будто я Петрушка из кукольного театра. Шпроты я тоже очень люблю.

Люблю читать сказки про Канчиля. Это такая маленькая, умная и озорная лань. У нее веселые глазки, и маленькие рожки, и розовые отполированные копытца. Когда мы будем жить просторней, мы купим себе Канчиля, он будет жить в ванной. Ещё я люблю плавать там, где мелко, чтобы можно было держаться руками за песчаное дно.

Я люблю на демонстрациях махать красным флажком и дудеть в «уйди-уйди!».

Очень люблю звонить по телефону.

Я люблю строгать, пилить, я умею лепить головы древних воинов и бизонов, и я слепил глухаря и царь-пушку. Все это я люблю дарить.

Когда я читаю, я люблю грызть сухарь или еще что-нибудь.

Я люблю гостей.

Еще очень люблю ужей, ящериц и лягушек. Они такие ловкие. Я ношу их в карманах. Я люблю, чтобы ужик лежал на столе, когда я обедаю. Люблю, когда бабушка кричит про лягушонка: «Уберите эту гадость!» – и убегает из комнаты.

Я люблю посмеяться... Иногда мне несколько не хочется смеяться, но я себя заставляю, выдавливаю из себя смех – смотришь, через пять минут и вправду становится смешно.

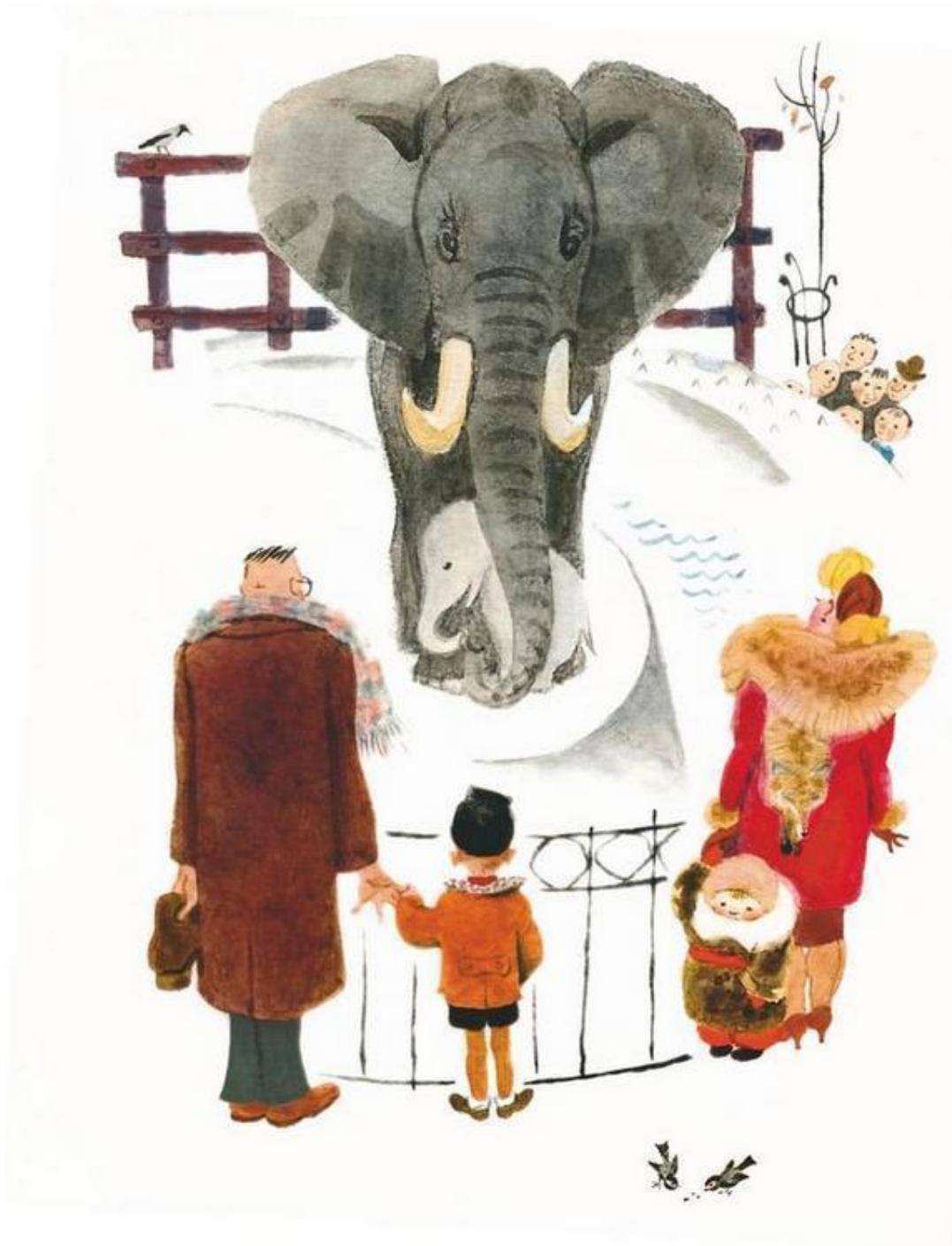
Когда у меня хорошее настроение, я люблю скакать. Однажды мы с папой пошли в зоопарк, и я скакал вокруг него на улице, и он спросил:

– Ты что скачешь?

А я сказал:

– Я скачу, что ты мой папа!

Он понял!

Я люблю ходить в зоопарк! Там чудесные слоны. И есть один слоненок. Когда мы будем жить просторней, мы купим слоненка. Я выстрою ему гараж.

Я очень люблю стоять позади автомобиля, когда он фырчит, и нюхать бензин.

Люблю ходить в кафе – есть мороженое и запивать его газированной водой. От нее колет в носу и слезы выступают на глазах.

Когда я бегаю по коридору, то люблю изо всех сил топтать ногами.

Очень люблю лошадей, у них такие красивые и добрые лица.

Я много чего люблю!

...И чего не люблю!

Чего не люблю, так это лечить зубы. Как увижу зубное кресло, сразу хочется убежать на край света. Еще не люблю, когда приходят гости, вставать на стул и читать стихи.

Не люблю, когда папа с мамой уходят в театр.

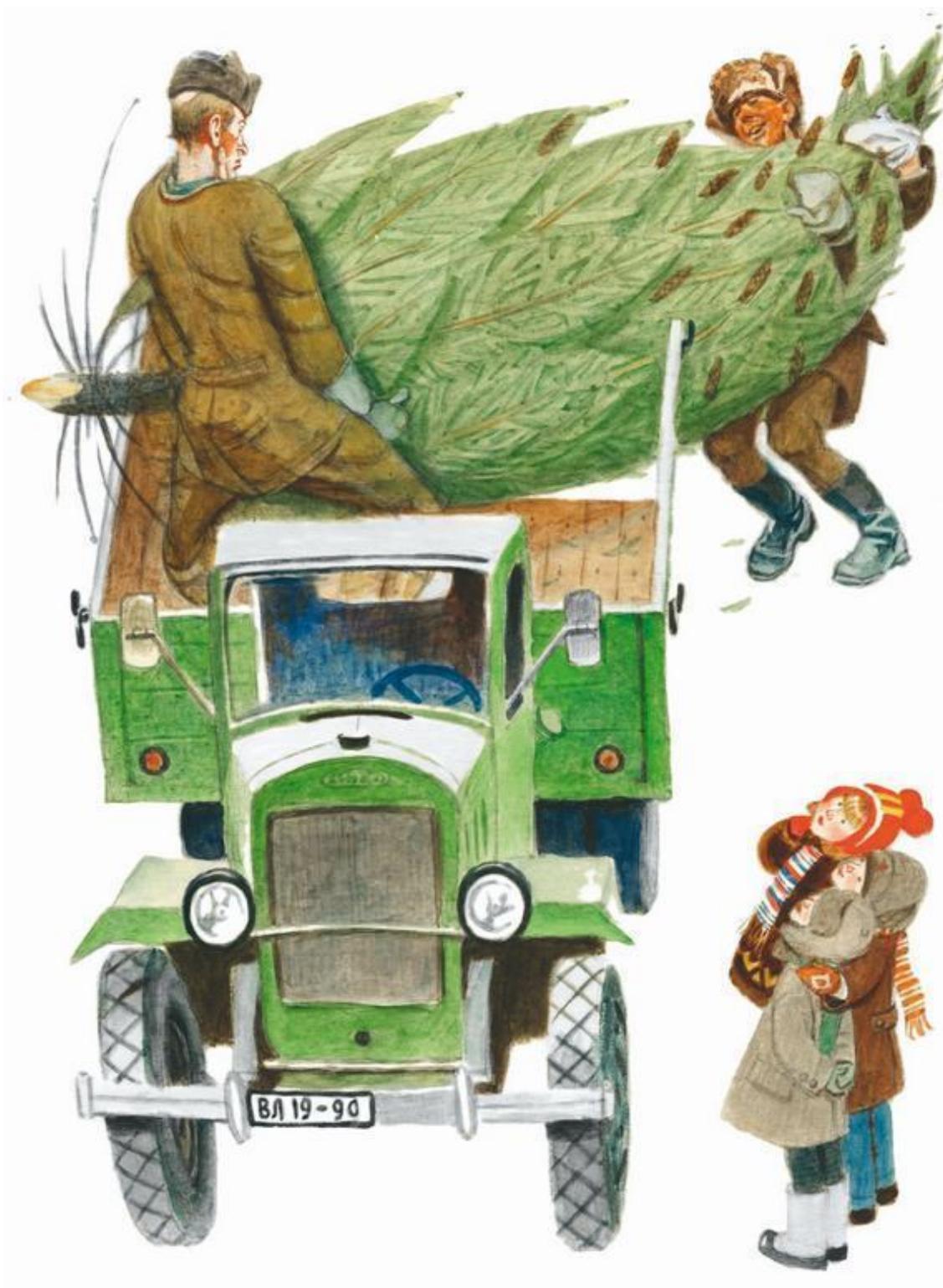
Терпеть не могу яйца всмятку, когда их взбалтывают в стакане, накрошат туда хлеба и заставляют есть.

Еще не люблю, когда мама идет со мной погулять и вдруг встречает тетю Розу!
Они тогда разговаривают только друг с дружкой, а я просто не знаю, чем бы заняться.
Не люблю ходить в новом костюме – я в нем как деревянный.
Когда мы играем в красных и белых, я не люблю быть белым. Тогда я выхожу из игры, и все! А когда я бываю красным, не люблю попадать в плен. Я все равно убегаю.
Не люблю, когда у меня выигрывают.
Не люблю, когда день рождения, играть в «каравай»: я не маленький.
Не люблю, когда ребята задаются.
И очень не люблю, когда порежусь, вдобавок – мазать палец йодом.
Я не люблю, что у нас в коридоре тесно и взрослые каждую минуту снуют туда-сюда, кто со сковородкой, кто с чайником, и кричат:
– Дети, не вертитесь под ногами! Осторожно, у меня горячая кастрюля!
А когда я ложусь спать, не люблю, чтобы в соседней комнате пели хором:

Ландыши, ландыши...

Очень не люблю, что по радио мальчишки и девчонки говорят старушечьими голосами!..

Заколдованная буква

Недавно мы гуляли во дворе: Аленка, Мишка и я. Вдруг во двор въехал грузовик. А на нем лежит елка. Мы побежали за машиной. Вот она подъехала к домоуправлению, остановилась, и шофер с нашим дворником стали елку выгружать. Они кричали друг на друга:

– Легче! Давай заноси! Правея! Левея! Становь ее на попа! Легче, а то весь шпиг обломаешь.

И когда выгрузили, шофер сказал:

– Теперь надо эту елку заактировать, – и ушел.

А мы остались возле елки.

Она лежала большая, мохнатая и так вкусно пахла морозом, что мы стояли как дураки и улыбались. Потом Аленка взялась за одну веточку и сказала:

– Смотрите, а на елке сыски висят.

«Сыски»! Это она неправильно сказала! Мы с Мишкой так и покатались. Мы смеялись с ним оба одинаково, но потом Мишка стал смеяться громче, чтоб меня пересмеять.

Ну, я немножко поднажал, чтобы он не думал, что я сдаюсь. Мишка держался руками за живот, как будто ему очень больно, и кричал:

– Ой, умру от смеха! Сыски!

А я, конечно, поддавал жару:

– Пять лет девчонке, а говорит «сыски»... Ха-ха-ха!

Потом Мишка упал в обморок и застонал:

– Ах, мне плохо! Сыски...

И стал икать:

– Ик!.. Сыски. Ик! Ик! Умру от смеха! Ик!

Тогда я схватил горсть снега и стал прикладывать его себе ко лбу, как будто у меня началось уже воспаление мозга и я сошел с ума. Я орал:

– Девчонке пять лет, скоро замуж выдавать! А она – сыски.

У Аленки нижняя губа скривилась так, что полезла за ухо.

– Я правильно сказала! Это у меня зуб вывалился и свистит. Я хочу сказать «сыски», а у меня высвистывается «сыски»...

Мишка сказал:

– Эка невидаль! У нее зуб вывалился! У меня целых три вывалилось да два шатаются, а я все равно говорю правильно! Вот слушай: хыхки! Что? Правда, здорово – хыхх-кии! Вот как у меня легко выходит: хыхки! Я даже петь могу:

Ох, хыхечка зеленая,

Боюсь уколюся я.

Но Аленка как закричит. Одна громче нас двоих:

– Неправильно! Ура! Ты говоришь хыхки, а надо сыски!

А Мишка:

– Именно, что не надо сыски, а надо хыхки.

И оба давай реветь. Только и слышно: «Сыски!» – «Хыхки!» – «Сыски!».

Глядя на них, я так хохотал, что даже проголодался. Я шел домой и все время думал: чего они так спорили, раз оба не правы? Ведь это очень простое слово. Я остановился и внятно сказал:

– Никакие не сыски. Никакие не хыхки, а коротко и ясно: фыфки!
Вот и всё!

Куриный бульон

Мама принесла из магазина курицу, большую, синеватую, с длинными костлявыми ногами. На голове у курицы был большой красный гребешок. Мама повесила ее за окно и сказала:

– Если папа придет раньше, пусть сварит. Передашь?

Я сказал:

– С удовольствием!

И мама ушла в институт. А я достал акварельные краски и стал рисовать. Я хотел нарисовать белочку, как она прыгает в лесу по деревьям, и у меня сначала здорово выходило, но потом я посмотрел и увидел, что получилась вовсе не белочка, а какой-то дядька, похожий на Мойдодыра. Белкин хвост получился как его нос, а ветки на дереве как волосы, уши и шапка... Я очень удивился, как могло так получиться, и, когда пришел папа, я сказал:

– Угадай, папа, что я нарисовал?

Он посмотрел и задумался:

– Пожар?

– Ты что, папа? Ты посмотри хорошенько!

Тогда папа посмотрел как следует и сказал:

– Ах, извини, это, наверное, футбол...

Я сказал:

– Ты какой-то невнимательный! Ты, наверно, устал?

А он:

– Да нет, просто есть хочется. Не знаешь, что на обед?

Я сказал:

– Вон, за окном курица висит. Свари и съешь!

Папа отцепил курицу от форточки и положил ее на стол.

– Легко сказать, вари! Сварить можно. Сварить – это ерунда. Вопрос, в каком виде нам ее съесть? Из курицы можно приготовить не меньше сотни чудесных питательных блюд. Можно, например, сделать простые куриные котлетки, а можно закатить министерский шницель – с виноградом! Я про это читал! Можно сделать такую котлету на косточке – называется «киевская» – пальчики оближешь. Можно сварить курицу с лапшой, а можно придавить ее утюгом, облить чесноком и получится, как в Грузии, «цыпленок табака». Можно, наконец...

Но я его перебил. Я сказал:

– Ты, папа, вари что-нибудь простое, без утюгов. Что-нибудь, понимаешь, самое быстрое!

Папа сразу согласился:

– Верно, сынок! Нам что важно? Поест побыстрее! Это ты ухватил самую суть. Что же можно сварить побыстрее? Ответ простой и ясный: бульон!

Папа даже руки потер.

Я спросил:

– А ты бульон умеешь?

Но папа только засмеялся.

– А чего тут уметь? – У него даже заблестели глаза. – Бульон – это проще пареной репы: положи в воду и жди, когда сварится, вот и вся премудрость. Решено! Мы варим бульон, и очень скоро у нас будет обед из двух блюд: на первое – бульон с хлебом, на второе – курица вареная, горячая, дымящаяся. Ну-ка брось свою репинскую кисть и давай помогай!

Я сказал:

– А что я должен делать?

– Вот погляди! Видишь, на курице какие-то волоски. Ты их состриги, потому что я не люблю бульон лохматый. Ты состриги эти волоски, а я пока пойду на кухню и поставлю воду кипятить!

И он пошел на кухню. А я взял мамины ножницы и стал подстригать на курице волоски по одному. Сначала я думал, что их будет немного, но потом пригляделся и увидел, что очень много, даже чересчур. И я стал их состригать, и старался быстро стричь, как в парикмахерской, и пощелкивал ножницами по воздуху, когда переходил от волоска к волоску.

Папа вошел в комнату, поглядел на меня и сказал:

– С боков больше снимай, а то получится под бокс!

Я сказал:

– Не очень-то быстро выстригается...

Но тут папа вдруг как хлопнет себя по лбу:

– Господи! Ну и бестолковые же мы с тобой, Дениска! И как это я позабыл! Кончай стрижку! Ее нужно опалить на огне! Понимаешь? Так все делают. Мы ее на огне подпалим, и все волоски сторят, и не надо будет ни стрижки, ни бритья. За мной!

И он схватил курицу и побежал с нею на кухню. А я за ним. Мы зажгли новую горелку, потому что на одной уже стояла кастрюля с водой, и стали обжигать курицу на огне. Она здорово горела и пахла на всю квартиру паленой шерстью. Папа поворачивал ее с боку на бок и приговаривал:

– Сейчас, сейчас! Ох и хорошая курочка! Сейчас она у нас вся обгорит и станет чистенькая и беленькая...

Но курица, наоборот, становилась какая-то черненькая, вся какая-то обугленная, и папа наконец погасил газ.

Он сказал:

– По-моему, она как-то неожиданно прокоптилась. Ты любишь копченую курицу?

Я сказал:

– Нет. Это она не прокоптилась, просто она вся в саже. Давай-ка, папа, я ее вымою.

Он прямо обрадовался.

– Ты молодец! – сказал он. – Ты сообразительный. Это у тебя хорошая наследственность.

Ты весь в меня. Ну-ка, дружок, возьми эту трубочистовую курицу и вымой ее хорошенько под краном, а то я уже устал от этой возни.

И он уселся на табурет.

А я сказал:

– Сейчас, я ее мигом!

И я подошел к раковине и пустил воду, подставил под нее нашу курицу и стал тереть ее правой рукой изо всех сил. Курица была очень горячая и жутко грязная, и я сразу запачкал свои руки до самых локтей. Папа покачивался на табурете.

– Вот, – сказал я, – что ты, папа, с ней наделал. Совершенно не отстирывается. Сажи очень много.

– Пустяки, – сказал папа, – сажа только сверху. Не может же она вся состоять из сажи? Подожди-ка!

И папа пошел в ванную и принес мне оттуда большой кусок земляничного мыла.

– На, – сказал он, – мой как следует! Намыливай!

И я стал намывать эту несчастную курицу. У нее стал какой-то совсем уже дохловатый вид. Я довольно здорово ее намыл, но она очень плохо отмыливалась, с нее стекала грязь, стекала уже, наверно, с полчаса, но чище она не становилась.

Я сказал:

– Этот проклятый петух только размазывается от мыла.

Тогда папа сказал:

– Вот щетка! Возьми-ка, потри ее хорошенько! Сначала спинку, а уж потом все остальное.

Я стал тереть. Я тер изо всех сил, в некоторых местах даже протирал кожу. Но мне все равно было очень трудно, потому что курица вдруг словно оживела и начала вертеться у меня в руках, скользить и каждую секунду норовила выскочить. А папа все не сходил со своей табуретки и все командовал:

– Крепче три! Ловчее! Держи за крылья! Эх ты! Да ты, я вижу, совсем не умеешь мыть курицу.

Я тогда сказал:

– Пап, ты попробуй сам!

И я протянул ему курицу. Но он не успел ее взять, как вдруг она выпрыгнула у меня из рук и ускакала под самый дальний шкафчик. Но папа не растерялся. Он сказал:

– Поддай швабру!

И когда я подал, папа стал шваброй выгребать ее из-под шкафа. Он сначала оттуда выгреб старую мышеловку, потом моего прошлогоднего оловянного солдатика, и я ужасно обрадовался, ведь я думал, что совсем потерял его, а он тут как тут, мой дорогой.

Потом папа вытащил, наконец, курицу. Она была вся в пыли. А папа был весь красный. Но он ухватил ее за лапку и поволок опять под кран. Он сказал:

– Ну, теперь держись. Синяя птица.

И он довольно чисто ее прополоскал и положил в кастрюлю. В это время пришла мама. Она сказала:

– Что тут у вас за разгром?

А папа вздохнул и сказал:

– Курицу варим.

Мама сказала:

– Давно?

– Только сейчас окунули, – сказал папа.

Мама сняла с кастрюльки крышку.

– Солили? – спросила она.

– Потом, – сказал папа, – когда сварится.

Но мама понюхала кастрюльку.

– Потрошили? – сказала она.

– Потом, – сказал папа, – когда сварится.

Мама вздохнула и вынула курицу из кастрюльки. Она сказала:

– Дениска, принеси мне фартук, пожалуйста. Придется все за вас доделывать, гореповара.

А я побежал в комнату, взял фартук и захватил со стола свою картинку. Я отдал маме фартук и спросил ее:

– Ну-ка, что я нарисовал? Угадай, мама!

Мама посмотрела и сказала:

– Швейная машинка? Да?

Слон и радио

Есть на свете такие маленькие радиоприемнички, они поменьше настоящих, величиной с папиросную коробку. И антенна у них выдвигается. Ох, сильно дают, на весь квартал слышно! Замечательная вещь! Эту вещь моему папе друг подарил. Приемник называется транзисторным. В тот вечер, когда нам его подарили, мы все время слушали передачи. Я с ним здорово научился управляться и антенну то убирал, то выпускал, и всё колесики вертел, и музыка звучала непрерывно и громко, потому что я к этому делу способный, чего уж там говорить.

А в воскресенье утром была прозрачная погода, солнышко светило во-всю, и папа сказал прямо с утра:

– Давай ешь побыстрее, и махнем с тобой в зоопарк. Давно что-то не были, одичали совсем.

От этих слов мне и вовсе весело стало жить, и я быстро собрался. Ах, люблю я ходить в зоопарк, люблю смотреть на маленькую ламочку и представлять, что ее можно взять на руки и гладить! И у нее по-сумасшедшему стучит сердце, и она взбрыкивает стройными, ловкими ножками. И кажется, что сейчас больно ударит. Но ничего, дело как-то обходится.

Или тигренок. Тоже хорошо бы взять на руки! А он смотрит на тебя ужаснувшимися глазами. Душа в пятки ушла. Боится, дурачок, наверное, думает: вот, мол, мой смертный час пришел.

А еще хорошо в зоопарке стоять перед загоном зубробизона и думать про него, что это ожившая гора, на которой высечено лицо задумчивого старика, а ты стоишь перед этой горой и вешишь всего-то двадцать пять кило и рост только девяносто восемь сантиметров. И пока мы шли, я всю дорогу думал разные разности про зоологический сад и шел смирно, не скакал, потому что в руках у меня был транзисторный радиоприемник, в нем журчала музыка. Я переводил его с одной станции на другую, и настраивание у меня было самое прекрасное. А когда мы пришли, папа сказал: «К слону», – потому что слон был у папы самый любимый во всем зоопарке. Папа всегда ходил к нему первому, как к царю. Поздоровается со слоном, а уж потом отправляется куда глаза глядят. И на этот раз мы поступили так же. Слон стоял, как войдешь, с правой стороны, в отдельном уголке, на пригорке; уже издали было видно его громадное тело, похожее на африканскую хижину, стоящую на четырех подпорках.

Огромная толпа народа стояла у его загородки и любовалась слоном. Было видно его симпатичное, как бы улыбающееся лицо, он шамкал треугольной губой, покачивал шишковатой головой, шевелил ушами. Я сейчас же быстро протолкался сквозь толпу к нашему Шанго (его звали Шанго, он был сыном индийского слона Махмуда – так было написано на специальной дощечке возле его загородки).

Папа протиснулся вперед и крикнул:

– Доброе утро, Шанго Махмудович!

И слон оглянулся и обрадованно закивал головой. Мол, здравствуйте, здравствуйте, где это вы пропадали?

И окружающие посмотрели на папу с улыбкой и с завистью. И мне тоже, честно говоря, стало здорово завидно, что вот слон ответил папе. И мне тут же захотелось, чтобы Шанго и меня одарил своим вниманием, и я громко закричал:

– Шанго Махмудович, привет! Смотрите, какая у меня вещь.

И я поднял высоко над собой папин транзисторный радиоприемник. А из приемника текла музыка, он играл разные советские песни. И Шанго Махмудович повернулся и стал слушать эту музыку. И вдруг он высоко задрал свой хобот, протянул его ко мне и неожиданно и ловко выдернул у меня из рук эту несчастную машинку.

Я прямо остолбенел, да и папа тоже. И вся толпа остолбенела. Наверное, думали, что будет дальше: отдаст? Трахнет оземь? Растопчет ногами? А Шанго Махмудович, видимо, просто хотел музыку послушать. Он не стал ни бить приемник, ни отдавать. Он держал приемник – и все! Он слушал музыку. И тут, как назло, музыка замолкла, наверное, у них там был перерыв, не знаю. Но Шанго Махмудович продолжал прислушиваться. Вид у него был такой, что вот он ждет, когда же приемник заиграет. Но ждать, видно, нужно было долго, потому что приемник молчал. И тут, вероятно, Шанго Махмудович подумал так: что за бесполезную штуку я держу целую вечность в хоботе? Почему она не играет? Ну интересно, какая она окажется на вкус?

И, не долго думая, этот бедовый слон сунул мой шикарный приемник прямо себе под хобот, в свой обросший войлоком рот, да не прожевал, а просто положил, как в сундук, и, будьте здоровы, слопал!

Толпа дружно ахнула и оцепенела. А слон оглядел эту потрясенную толпу с довольно-таки нахальной улыбкой и вдруг сказал придушенным голосом:

– Начинаем производственную зарядку! И!..

И из него зазвучала какая-то бурная музыка. Тут все сразу покатались с хохоту, просто животики надрывали, стонали от смеха: из-за этого дикого шума уже не слышно было никаких звуков. Слон стоял совершенно спокойно. Только в глазах его горело плутоватое выражение.

А когда все стали потихоньку затихать, из слоновьего рта снова раздался чуть приглушенный, но отчетливый голос:

– Быстрые подскоки на месте, раз-два, три-четыре...

А в толпе, между прочим, было очень много мальчишек и девчонок, и когда они услышали про подскоки, так прямо завизжали от радости. И, не откладывая в долгий ящик, с ходу включились в это дело: раз-два-три-четыре... Они здорово скакали. И визжали, и орали, и выкидывали разные коленца. Еще бы! Кому же не охота поскакать под слоновью команду? Тут всякий заскачет. Лично я заскакал в ту же секунду. Хотя я прекрасно понимал, что кому-кому, а мне тут меньше всех надо скакать и радоваться. Мне, скорее всего, надо было плакать. Но вместо этого я, знаете, подскакивал, как мячик: раз-два-три-четыре! И выходит, что у меня же стянули радиоприемник и я же от этого удовольствие получаю. А между тем занятия все продолжались. И слон перешел к следующему упражнению.

– Руки сжать в кулаки, махательные и толкательные движения. Раз-два-три!

Ну конечно, тут началось светопреставление. Просто чемпионат Европы по боксу. Некоторые мальчишки и девчонки совершенно серьезно вошли в аппетит и давай так друг друга волтузить, что только перья полетели. А одна проходящая мимо бабушка спросила у какого-то старичка:

– Что здесь происходит? Что за драка?

И он ответил ей шутливо:

– Обыкновенное дело. Слон физзарядку проводит с населением.

Бабушка только рот раскрыла.

Но тут Шанго Махмудович вдруг замолчал, и я понял, что мой приемник все-таки сломался в его животе. Конечно, попал в какую-нибудь слепую кишку и – прощай навек. В эту же секунду слон посмотрел на меня и, грустно покачивая головой, но с большим намеком, пропел:

– Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье?

Я прямо чуть не заплакал от горя. Помню ли я! Еще бы! Еще секунду, и я бросился бы на него с кулаками. Но тут возле него появился человек в синем халате. В руках у него были веники, штук пятьдесят или больше, и он сказал слону:

– Ну-ка, ну-ка, покажи-ка, что у тебя играет? Но только тихонько, тихонько, а я вот тебе веничков принес, на-ка покушай.

И он разбросал веники перед слоном.

Шанго Махмудович очень осторожно положил у ног человека мой радиоприемник.

Я крикнул:

– Ура!

Остальные кричали:

– Бис!

А слон отвернулся и стал жевать веники. Служитель молча подал мне радиоприемник, – он был теплый и заслонявленный.

Мы с папой поставили его дома на полку и теперь включаем каждый вечер. Как звучит! Просто чудо! Приходите слушать!

Зелёнчатые леопарды

Мы сидели с Мишкой и Аленкой на песке около домоуправления и строили площадку для запуска космического корабля. Мы уже вырыли яму и уложили ее кирпичом и стеклышками, а в центре оставили пустое место для ракеты. Я принес ведро и положил в него аппаратуру.

Мишка сказал:

– Надо вырыть боковой ход – под ракету, чтоб, когда она будет взлетать, газ бы вышел по этому ходу.

И мы стали опять рыть и копать и довольно быстро устали, потому что там было много камней.

Аленка сказала:

– Я устала! Перекур!

А Мишка сказал:

– Правильно.

И мы стали отдыхать.

В это время из второго парадного вышел Костик. Он был такой худой, прямо невозможно узнать. И бледный, нисколечко не загорел. Он подошел к нам и говорит:

– Здорово, ребята!

Мы все сказали:

– Здорово, Костик!

Он тихонько сел рядом с нами.

Я сказал:

– Ты что, Костик, такой худущий? Вылитый Кощей...

Он сказал:

– Да это у меня корь была.

Аленка подняла голову:

– А теперь ты выздоровел?

– Да, – сказал Костик, – я теперь совершенно выздоровел.

Мишка отодвинулся от Костика и сказал:

– Заразный небось?

А Костик улыбнулся:

– Нет, что ты, не бойся. Я не заразный. Вчера доктор сказал, что я уже могу общаться с детским коллективом.

Мишка придвинулся обратно, а я спросил:

– А когда болел, больно было?

– Нет, – ответил Костик, – не больно. Скучно очень. А так ничего. Мне картинки переводные дарили, я их все время переводил, надоело до смерти.

Аленка сказала:

– Да, болеть хорошо! Когда болеешь, всегда что-нибудь дарят.

Мишка сказал:

– Так ведь и когда здоровый, тоже дарят. В день рождения или когда елка.

Я сказал:

– Еще дарят, когда в другой класс переходишь с пятерками.

Мишка сказал:

– Мне не дарят. Одни тройки! А вот когда корь, все равно ничего особенного не дарят, потому что потом все игрушки надо сжигать. Плохая болезнь корь, никуда не годится.

Костик спросил:

– А разве бывают хорошие болезни?

– Ого, – сказал я, – сколько хочешь! ветрянка, например. Очень хорошая, интересная болезнь. Я когда болел, мне все тело, каждую болячку отдельно зеленкой мазали. Я был похож на леопарда. Что, плохо разве?

– Конечно, хорошо, – сказал Костик.

Аленка посмотрела на меня и сказала:

– Когда лишаи, тоже очень красивая болезнь.

Но Мишка только засмеялся:

– Сказала тоже – «красивая»! намажут два-три пятнышка, вот и вся красота. Нет, лишаи – это мелочь. Я лучше всего люблю грипп. Когда грипп, чаю дают с малиновым вареньем. Ешь сколько хочешь, просто не верится. Один раз я, больной, целую банку съел. Мама даже удивилась: «Смотрите, говорит, у мальчика грипп, температура тридцать восемь, а такой аппетит». А бабушка сказала: «Грипп разный бывает, это у него такая новая форма, дайте ему еще, это у него организм требует». И мне дали еще, но я больше не смог есть, такая жалость... Это грипп, наверно, на меня так плохо действовал.

Тут Мишка подперся кулаком и задумался, а я сказал:

– Грипп, конечно, хорошая болезнь, но с гландами не сравнить, куда там!

– А что? – сказал Костик.

– А то, – сказал я, – что, когда гланды вырезают, мороженого дают потом, для заморозки.

Это почище твоего варенья!

Аленка сказала:

– А гланды от чего заводятся?

Я сказал:

– От насморка. Они в носу вырастают, как грибы, потому что сырость.

Мишка вздохнул и сказал:

– Насморк – болезнь ерундовая. Каплют чего-то в нос, еще хуже течет.

Я сказал:

– Зато керосин можно пить. Не слышно запаха.

– А зачем пить керосин?

Я сказал:

– Ну не пить, так в рот набирать. Вот фокусник наберет полный рот, а потом палку зажженную возьмет в руки и на нее как брызнет! Получается очень красивый огненный фонтан. Конечно, фокусник секрет знает. Без секрета не берись, ничего не получится.

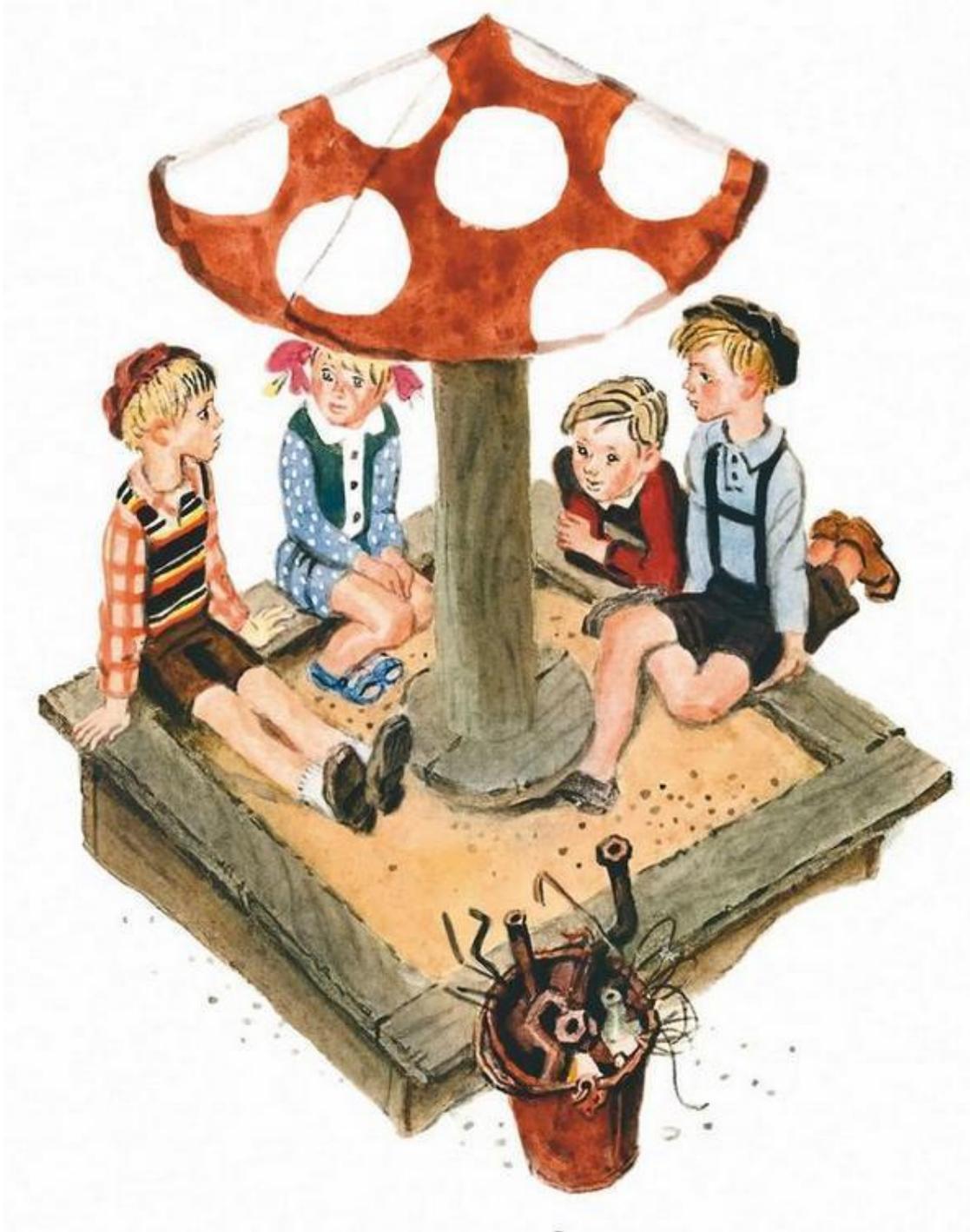
– В цирке лягушек глотают, – сказала Аленка.

– И крокодилов тоже! – добавил Мишка.

Я прямо покотился от хохота. Надо же такое выдумать. Ведь всем известно, что крокодил сделан из панциря, как же его есть?

Я сказал:

– Ты, Мишка, видно, с ума сошел! Как ты будешь есть крокодила, когда он жесткий. Его нипочем нельзя прожевать.

- Вареного-то? – сказал Мишка.
– Как же! Станет тебе крокодил вариться! – закричал я на Мишку.
– Он же зубастый, – сказала Аленка, и видно было, что она уже испугалась.
А Костик добавил:
– Он сам же ест что ни день укротителей этих.
Аленка сказала:
– Ну да? – И глаза у нее стали как белые пуговицы.
Костик только сплюнул в сторону.
Аленка скривила губы:

– Говорили про хорошее – про гриба и про лишаев, а теперь про крокодилов. Я их боюсь...

Мишка сказал:

– Про болезни уже всё переговорили. Кашель, например. Что в нем толку? Разве вот что в школу не ходить...

– И то хлеб, – сказал Костик. – А вообще вы правильно говорили: когда болеешь, все тебя больше любят.

– Ласкают, – сказал Мишка, – гладят... Я заметил: когда болеешь, все можно выпросить. Игру какую хочешь, или ружье, или паяльник.

Я сказал:

– Конечно. Нужно только, чтобы болезнь была пострашнее. Вот если ногу сломаешь или шею, тогда чего хочешь купят.

Аленка сказала:

– И велосипед?!

А Костик хмыкнул:

– А зачем велосипед, если нога сломана?

– Так ведь она прирастет! – сказал я.

Костик сказал:

– Верно!

Я сказал:

– А куда же она денется! Да, Мишка?

Мишка кивнул головой, и тут Аленка натянула платье на колени и спросила:

– А почему это, если вот, например, пожжешься, или шишку набьешь, или там синяк, то, наоборот, бывает, что тебе еще и наподдадут. Почему это так бывает?

– Несправедливость! – сказал я и стукнул ногой по ведру, где у нас лежала аппаратура.

Костик спросил:

– А это что такое вы здесь затеяли?

Я сказал:

– Площадка для запуска космического корабля!

Костик прямо закричал:

– Так что же вы молчите! Черти полосатые! Прекратите разговоры. Давайте скорей строить!!!

И мы прекратили разговоры и стали строить.

Сверху вниз, наискосок!

В то лето, когда я еще не ходил в школу, у нас во дворе был ремонт. Повсюду валялись кирпичи и доски, а посреди двора высилась огромная куча песка. И мы играли на этом песке в «разгром фашистов под Москвой», или делали куличики, или просто так играли ни во что.

Нам было очень весело, и мы подружились с рабочими и даже помогали им ремонтировать дом: один раз я принес слесарю дяде Грише полный чайник кипятку, а второй раз Аленка показала монтерам, где у нас черный ход. И мы еще много помогали, только сейчас я уже не помню всего.

А потом как-то незаметно ремонт стал заканчиваться, рабочие уходили один за другим, дядя Гриша попрощался с нами за руку, подарил мне тяжелую железку и тоже ушел.

И вместо дяди Гриши во двор пришли три девушки. Они все были очень красиво одеты: носили мужские длинные штаны, измазанные разными красками и совершенно твердые. Когда эти девушки ходили, штаны на них гремели, как железо на крыше. А на головах девушки носили шапки из газет. Эти девушки были маляры и назывались: бригада. Они были очень веселые и ловкие, любили смеяться и всегда пели песню «Ландыши, ландыши». Но я эту песню не люблю. И Аленка. И Мишка тоже не любит. Зато мы все любили смотреть, как работают девушки-маляры и как у них все получается складно и аккуратно. Мы знали по именам всю бригаду. Их звали Санька, Раечка и Нелли.

И однажды мы к ним подошли, и тетя Саня сказала:

– Ребятки, сбегайте кто-нибудь и узнайте, который час.

Я сбегал, узнал и сказал:

– Без пяти двенадцать, тетя Саня...

Она сказала:

– Шабаш, девчата! Я – в столовую! – и пошла со двора.

И тетя Раечка и тетя Нелли пошли за ней обедать.

А бочонок с краской оставили. И резиновый шланг тоже.

Мы сразу подошли ближе и стали смотреть на тот кусочек дома, где они только сейчас красили. Было очень здорово: ровно и коричнево, с небольшой краснотой. Мишка смотрел-смотрел, потом говорит:

– Интересно, а если я покачаю насос, краска пойдет?

Аленка говорит:

– Спорим, не пойдет!

Тогда я говорю:

– А вот спорим, пойдет!

Тут Мишка говорит:

– Не надо спорить. Сейчас я попробую. Держи, Дениска, шланг, а я покачаю.

И давай качать. Раза два-три качнул, и вдруг из шланга побежала краска! Она шипела, как змея, потому что на конце у шланга была нахлобучка с дырочками, как у лейки. Только дырки были совсем маленькие, и краска шла, как одеколон в парикмахерской, чуть-чуть видно.

Мишка обрадовался и как закричит:

– Крась скорей! Скорей крась что-нибудь!

Я сразу взял и направил шланг на чистую стенку. Краска стала брызгаться, и там сейчас же получилось светло-коричневое пятно, похожее на паука.

– Ура! – закричала Аленка. – По-шло! Пошло-поехало! – И подставила ногу под краску.

Я сразу покрасил ей ногу от колена до пальцев. Тут же, прямо у нас на глазах, на ноге не стало видно ни синяков, ни царапин! Наоборот, Аленкина нога стала гладкая, коричневая, с блеском, как новенькая кегля.

Мишка кричит:

– Здорово получается! Подставляй вторую, скорей!

И Аленка живенько подставила вторую ногу, а я моментально покрасил ее сверху донизу два раза.

Тогда Мишка говорит:

– Люди добрые, как красиво! Ноги совсем как у настоящего индейца! Крась же ее скорей!

– Всю? Всю красить? С головы до пят?

Тут Аленка прямо завизжала от восторга:

– Давайте, люди добрые! Красьте с головы до пят! Я буду настоящая индейка.

Тогда Мишка приналег на насос и стал качать во всю ивановскую, а я стал Аленку поливать краской. Я замечательно ее покрасил: и спину, и ноги, и руки, и плечи, и живот, и трусики. И стала она вся коричневая, только волосы белые торчат.

Я спрашиваю:

– Мишка, как думаешь, а волосы красить?

Мишка отвечает:

– Ну конечно! Крась скорей! Быстрее давай!

И Аленка торопит:

– Давай-давай! И волосы давай! И уши!

Я быстро закончил ее красить и говорю:

– Иди, Аленка, на солнце пообсохни! Эх, что бы еще покрасить?

А Мишка:

– Вон видишь, наше белье сушится? Скорей давай крась!

Ну с этим-то делом я быстро справился! Два полотенца и Мишкину рубашку я за какую-нибудь минуту так отделал, что любо-дорого смотреть было!

А Мишка прямо вошел в азарт, качает насос, как заводной. И только покрикивает:

– Крась давай! Скорей давай! Вон и дверь новая на парадном, давай, давай, быстрее крась!

И я перешел на дверь. Сверху вниз! Снизу вверх! Сверху вниз, наискосок!

И тут дверь вдруг раскрылась, и из нее вышел наш управдом Алексей Акимыч в белом костюме.

Он прямо остолбенел. И я тоже. Мы оба были как заколдованные. Главное, я его поливаю и с испугу не могу даже догадаться отвести в сторону шланг, а только размахиваю сверху вниз, снизу вверх. А у него глаза расширились, и ему в голову не приходит отойти хоть на шаг вправо или влево...

А Мишка качает и знай себе ладит свое:

– Крась давай, быстрее давай!

И Аленка сбоку вытанцовывает:

– Я индейка! Я индейка!

Ужас!

...Да здорово нам тогда влетело. Мишка две недели белье стирал. А Аленку мыли в семи водах со скипидаром...

Алексею Акимычу купили новый костюм. А меня мама вовсе не хотела во двор пускать. Но я все-таки вышел, и тетя Саня, Раечка и Нелли сказали:

– Вырастай, Денис, побыстрей, мы тебя к себе в бригаду возьмем. Будешь маляром!
И с тех пор я стараюсь расти побыстрей.

Удивительный день

Несколько дней тому назад мы начали строить площадку для запуска космического корабля и вот до сих пор не кончили, а я сначала думал, что раз-два-три – и у нас сразу все будет готово. Но дело как-то не клеилось, а все потому, что мы не знали, какая она должна быть, эта площадка.

У нас не было плана.

Тогда я пошел домой. Взял листок бумажки и нарисовал на нем, что куда: где вход, где выход, где одеваться, где космонавта провожают и где кнопку нажимать. Это все получилось у меня очень здорово, особенно кнопка. А когда я нарисовал площадку, я заодно пририсовал к ней и ракету. И первую ступеньку, и вторую, и кабину космонавта, где он будет вести научные наблюдения, и отдельный закуток, где он будет обедать, и я даже придумал, где ему умываться, и изобрел для этого самовыдвигающиеся ведра, чтобы он в них собирал дождевую воду.

И когда я показал этот план Аленке, Мишке и Костику, им всем очень понравилось. Только ведра Мишка зачеркнул.

Он сказал:

– Они будут тормозить.

И Костик сказал:

– Конечно, конечно! Убери эти ведра.

И Аленка сказала:

– Ну их совсем!

И я тогда не стал с ними спорить, и мы прекратили всякие ненужные разговоры и принялись за работу. Мы достали тяжеленную трамбушку. Я и Мишка колотили ею по земле. А позади нас шла Аленка и подравнивала за нами прямо сандаликами. Они у нее были новенькие, красивые, а через пять минут стали серые. Перекрасились от пыли.

Мы чудесно утрамбовали площадку и работали дружно. И к нам еще один парень присоединился, Андрюшка, ему шесть лет. Он хотя немножко рыжеватый, но довольно сообразительный. А в самый разгар работы открылось окно на четвертом этаже, и Аленкина мама крикнула:

– Аленка! Домой сейчас же! Завтракать!

И когда Аленка убежала, Костик сказал:

– Еще лучше, что ушла!

А Мишка сказал:

– Жалко. Все-таки рабочая сила...

Я сказал:

– Давайте приналяжем!

И мы приналегли, и очень скоро площадка была совершенно готова. Мишка ее осмотрел, засмеялся от удовольствия и говорит:

– Теперь главное дело надо решить: кто будет космонавтом.

Андрюшка сейчас же откликнулся:

– Я буду космонавтом, потому что я самый маленький, меньше всех вешу!

А Костик:

– Это еще не известно. Я болел, я знаешь как похудел? На три кило! Я космонавт.

Мы с Мишкой только переглянулись. Эти чертенята уже решили, что они будут космонавтами, а про нас как будто и забыли.

А ведь это я всю игру придумал. И, ясное дело, я и буду космонавтом!

И только я успел так подумать, как Мишка вдруг заявляет:

– А кто всей работой тут сейчас командовал? А? Я командовал! Значит, я буду космонавтом!

Это все мне совершенно не понравилось. Я сказал:

– Давайте сначала ракету выстроим. А потом сделаем испытания на космонавта. А потом и запуск назначим.

Они сразу обрадовались, что еще много игры осталось, и Андрюшка сказал:

– Даешь ракету строить!

Костик сказал:

– Правильно!

А Мишка сказал:

– Ну что ж, я согласен.

Мы стали строить ракету прямо на нашей пусковой площадке. Там лежала здоровенная пузатая бочка. В ней раньше был мел, а теперь она валялась пустая. Она была деревянная и почти совершенно целая, и я сразу все сообразил и сказал:

– Вот это будет кабина. Здесь любой космонавт может поместиться, даже самый настоящий, не то что я или Мишка.

И мы эту бочку поставили на середку, и Костик сейчас же приволок с черного хода какой-то старый ничей самовар. Он его приделал к бочке, чтобы заливать туда горячее. Получилось

очень складно. Мы с Мишкой сделали внутреннее устройство и два окошечка по бокам: это были иллюминаторы для наблюдения. Андрюшка притащил довольно здоровый ящик с крышкой и наполовину всунул его в бочку. Я сначала не понял, что это такое, и спросил Андрюшку:

– Это зачем?

А он сказал:

– Как – зачем? Это вторая ступень!

Мишка сказал:

– Молодец!

И у нас работа закипела вовсю. Мы достали разных красок, и несколько кусочков жести, и гвоздей, и веревочек, и протянули эти веревочки вдоль ракеты, и жестянки прибили к хвостовому оперению, и подкрасили длинные полосы по всему бочкиному боку, и много еще чего понаделали, всего не перескажешь. И когда мы увидели, что все у нас готово, Мишка вдруг отвернул краник у самовара, который был у нас баком для горючего. Мишка отвернул краник, но оттуда ничего не потекло. Мишка ужасно разгорячился, он потрогал пальцем снизу сухой краник, повернулся к Андрюшке, который считался у нас главным инженером, и заорал:

– Вы что? Что вы наделали?

Андрюшка сказал:

– А что?

Тогда Мишка вконец разозлился и еще хуже заорал:

– Молчать! Вы главный инженер или что?

Андрюшка сказал:

– Я главный инженер. А чего ты орешь?

А Мишка:

– Где же горючее в машине? Ведь в самоваре... то есть в баке, нет ни капли горючего.

А Андрюшка:

– Ну и что?

Тогда Мишка ему:

– А вот как дам, тогда узнаешь «ну и что»!

Тут я вмешался и крикнул:

– Наполнить бак! Механик, быстро!

И я грозно посмотрел на Костика. Он сейчас же сообразил, что это он и есть механик, схватил ведро и побежал в котельную за водой. Он там набрал полведра горячей воды, прибежал обратно, влез на кирпич и стал заливать.

Он наливал воду в самовар и кричал:

– Есть горючее! Все в порядке!

А Мишка стоял под самоваром и ругал Андрюшку на чем свет стоит.

А тут на Мишку полилась вода. Она была не горячая, но ничего себе, довольно чувствительная, и, когда она залилась Мишке за воротник и на голову, он здорово испугался и отскочил как ошпаренный. Самовар-то был, видать, дырявый. Он Мишку почти всего окатил, а главный инженер злорадно захохотал:

– Так тебе и надо!

У Мишки прямо засверкали глаза.

И я увидел, что Мишка сейчас даст этому нахальному инженеру по шее, поэтому я быстро встал между ними и сказал:

– Слушайте, ребята, а как же мы назовем наш корабль?

– «Торпедо»... – сказал Костик.

– Или «Спартак», – перебил Андрюшка, – а то «Динамо».

Мишка опять обиделся и сказал:

– Нет уж, тогда ЦСКА!

Я им сказал:

– Ведь это же не футбол! Вы еще нашу ракету «Пахтакор» назовите! Надо назвать «Восток-2»! Потому что у Гагарина просто «Восток» называется корабль, а у нас будет «Восток-2»!.. На, Мишка, краску, пиши!

Он сейчас же взял кисточку и принялся малевать, сопя носом. Он даже высунул язык. Мы стали глядеть на него, но он сказал:

– Не мешайте! Не глядите под руку!

И мы от него отошли.

А я в это время взял градусник, который я утащил из ванной, и измерил Андрюшке температуру. У него оказалось сорок восемь и шесть. Я просто схватился за голову: я никогда не видел, чтобы у обыкновенного мальчика была такая высокая температура. Я сказал:

– Это какой-то ужас! У тебя, наверно, ревматизм или тиф. Температура сорок восемь и шесть! Отойди в сторону.

Он отошел, но тут вмешался Костик:

– Теперь осмотри меня! Я тоже хочу быть космонавтом!

Вот какое несчастье получается: все хотят! Прямо отбою от них нет. Всякая мелюзга, а туда же!

Я сказал Костику:

– Во-первых, ты после кори. И тебе никакая мама не разрешит быть космонавтом. А во-вторых, покажи язык!

Он моментально высунул кончик своего языка. Язык был розовый и мокрый, но его было мало видно.

Я сказал:

– Что ты мне какой-то кончик показываешь! Давай весь вываливай!

Он сейчас же вывалил весь свой язык, так что чуть до воротника не достал. Неприятно было на это смотреть, и я ему сказал:

– Все, все, хватит! Довольно! Можешь убирать свой язык. Чересчур он у тебя длинный, вот что. Просто ужасно длиннющий. Я даже удивляюсь, как он у тебя во рту укладывается.

Костик совершенно растерялся, но потом все-таки опомнился, захлопал глазами и говорит с угрозой:

– Ты не трещи! Ты прямо скажи: гожусь я в космонавты?

Тогда я сказал:

– С таким-то языком? Конечно, нет! Ты что, не понимаешь, что если у космонавта длинный язык, он уже никуда не годится? Он ведь всем на свете разболтает все секреты: где какая звезда вертится, и все такое... Нет, ты, Костик, лучше успокойся! С твоим язычищем лучше на Земле сидеть.

Тут Костик ни с того ни с сего покраснел, как помидор. Он отступил от меня на шаг, сжал кулаки, и я понял, что сейчас у нас с ним начнется самая настоящая драка. Поэтому я тоже быстро поплевал в кулаки и выставил ногу вперед, чтобы была настоящая боксерская поза, как на фотографии у чемпиона легкого веса.

Костик сказал:

– Сейчас дам плюху!

А я сказал:

– Сам схватишь две!

Он сказал:

– Будешь валяться на земле!

А я ему:

– Считай, что ты уже умер!

Тогда он подумал и сказал:

– Неохота что-то связываться...

А я:

– Ну и замолкни!

И тут Мишка закричал нам от ракеты:

– Эй, Костик, Дениска, Андрюшка! Идите надпись смотреть.

Мы побежали к Мишке и стали глядеть. Ничего себе была надпись, только кривая и в конце завивалась книзу. Андрюшка сказал:

– Во здорово!

И Костик сказал:

– Блеск!

А я ничего не сказал. Потому что там было написано так: «ВАСТОК-2».

Я не стал этим Мишку допекать, а подошел и исправил обе ошибки. Я написал: «ВОСТОГ-2».

И все. Мишка покраснел и промолчал. Потом он подошел ко мне, взял под козырек.

– Когда назначаете запуск? – спросил Мишка.

Я сказал:

– Через час!

Мишка сказал:

– Ноль-ноль?

И я ответил:

– Ноль-ноль!

Прежде всего нам нужно было достать взрывчатку. Это было нелегкое дело, но кое-что все-таки набралось. Во-первых, Андрюшка притащил десять штук елочных бенгальских огней. Потом Мишка тоже принес какой-то пакетик, – я забыл, как называется, вроде борной кислоты. Мишка сказал, что эта кислота очень красиво горит. А я приволок две шутихи, они у меня еще с прошлого года в ящике валялись. И мы взяли трубу от нашего самовара-бака, заткнули с одного конца тряпкой и затолкали туда всю нашу взрывчатку и утрясли ее как следует. А потом Костик принес какой-то поясок от мамино халата, и мы сделали из него бикфордов шнур. Всю нашу трубу мы уложили во вторую ступеньку ракеты и привязали ее веревками, а шнур вытащили наружу, и он лежал за нашей ракетой на земле, как хвост от змеи.

И теперь все у нас было готово.

– Теперь, – сказал Мишка, – пришла пора решать, кто полетит. Ты или я, потому что Андрюшка и Костик пока еще не подходят.

– Да, – сказал я, – они не подходят по состоянию здоровья.

Как только я это сказал, так из Андрюшки сейчас же закапали слезы, а Костик отвернулся и стал колупать стену, потому что из него тоже, наверно, закапало, но он стеснялся, что вот ему уже скоро семь, а он плачет. Тогда я сказал:

– Костик назначается Главным Зажигателем!

Мишка добавил:

– А Андрюшка назначается Главным Запускателем!

Тут они оба повернулись к нам, и лица у них стали гораздо веселее, и никаких слез не стало видно, просто удивительно!

Тогда я сказал:

– Мишка, а мы давай считаться на космонавта.

Мишка сказал:

– Только, чур, я считаю!

И мы стали считаться:

– Заяц-белый-куда-бегал-в-лес-дубовый-чего-делал-лыки-драл-куда-клал-под-колоду-кто-украл-Спири-дон-Мор-дель-он-тинтиль-винтиль-выйди-вон!

Мишке вышло выйти вон. Он, конечно, постарше и Костика, и Андрюшки, но глаза у него стали такие печальные, что не ему лететь, просто ужас!

Я сказал:

– Мишка, ты в следующий полет полетишь безо всякой считалки, ладно?

А он сказал:

– Давай садись!

Что ж, ничего не поделаешь, мне ведь по-честному досталось. Мы с ним считались, и он сам считал, а мне выпало, тут уж ничего не поделаешь. И я сразу полез в бочку. Там было темно и тесно, особенно мне мешала вторая ступенька. Из-за нее нельзя было спокойно лежать, она впивалась в бок. Я хотел повернуться и лечь на живот: но тут же треснулся головой о бак, он впереди торчал. Я подумал, что, конечно, космонавту трудно сидеть в кабине, потому

что аппаратуры очень много, даже чересчур! Но все-таки я приспособился, и свернулся в три погибели, и лег, и стал ждать запуска.

И вот слышу – Мишка кричит:

– Подготовься! Смирнаа! Запускатель, не ковыряй в носу! Иди к моторам.

И сразу Андрюшкин голос:

– Есть к моторам!

И я понял, что скоро запуск, и стал лежать дальше.

И вот слышу – Мишка опять командует:

– Главный Зажигатель! Готовься! Зажж...

И сразу я услышал, как Костик завозился со своим спичечным коробком и, кажется, не может от волнения достать спичку, а Мишка, конечно, растягивает команду, чтобы все вместе совпало – и Костикина спичка, и его команда. Вот он и тянет:

– Зажж...

И я подумал: ну, сейчас! И даже сердце заколотилось! А Костик все еще брякает спичками. Мне ясно представилось, как у него руки трясутся и он не может ухватить спичку.

А Мишка свое:

– Зажж... Давай же, вахля несчастная! Зажжж...

И вдруг я ясно услышал: чирк!

И Мишкин радостный голос:

– ...жжи-гай! Зажигай!

Я глаза зажмурил, съежился и приготовился лететь. Вот было бы здорово, если б это вправду, все бы с ума посходили, и я еще сильнее зажмурил глаза. Но ничего не было: ни взрыва, ни толчка, ни огня, ни дыму – ничего. И это наконец мне надоело, и я заорал из бочки:

– Скоро там, что ли? У меня весь бок отлежался – ноет!

И тут ко мне в ракету залез Мишка. Он сказал:

– Заело. Бикфордов шнур отказал.

Я чуть ногой не лягнул его от злости:

– Эх, вы, инженеры называются! Простую ракету запустить не можете! А ну, давайте я!

И я вылез из ракеты. Андрюшка и Костик возились со шнуром, и у них ничего не вышло. Я сказал:

– Товарищ Мишка! Снимите с работы этих дураков! Я сам!

И подошел к самоварной трубе и первым делом начисто оторвал ихний мамин бикфордов поясок. Я им крикнул:

– А ну, разойдитесь! Живо!

И они все разбежались кто куда. А я запустил руку в трубу, и снова там все перемешал, и бенгальские огоньки уложил сверху. Потом я зажег спичку и сунул ее в трубу. Я закричал:

– Держитесь!

И отбежал в сторону. Я и не думал, что будет что-нибудь особенное, ведь там, в трубе, ничего такого не было. Я хотел сейчас во весь голос крикнуть: «Бух, таррарах!» – как будто это взрыв, чтобы играть дальше. И я уже набрал воздуха и хотел крикнуть погромче, но в это время в трубе что-то ка-ак свистнет да ка-ак даст! И труба отлетела от второй ступени, и стала подлетать, и падать, и дым!.. А потом как бабахнет! Ого! Это, наверно, шутихи там сработали, не знаю, или Мишкин порошок! Бах! Бах! Бах! Я, наверно, от этого баханья немножко струсил, потому что я увидел перед собою дверь, и решил в нее убежать, и открыл, и вошел в эту дверь, но это оказалась не дверь, а окно, и я прямо как вбежал в него, так оступился и упал прямо в наше домоуправление. Там за столом сидела Зинаида Ивановна, и она на машинке считала, кому сколько за квартиру платить. А когда она меня увидела, она, наверно, не сразу меня узнала, потому что я запачканный был, прямо из грязной бочки, лохматый и даже кое-где

порванный. Она просто обомлела, когда я упал к ней из окна, и она стала обеими руками от меня отмахиваться. Она кричала:

– Что это? Кто это?

И наверно, я здорово смахивал на черта или на какое-нибудь подземное чудовище, потому что она совсем потеряла рассудок и стала кричать на меня так, как будто я был имя существительное среднего рода.

– Пошло вон! Пошло вон отсюда! Вон пошло!

А я встал на ноги, прижал руки по швам и вежливо ей сказал:

– Здравствуйте, Зинаида Иванна! Не волнуйтесь, это я!

И стал потихоньку пробираться к выходу. А Зинаида Ивановна кричала мне вдогонку:

– А, это Денис! Хорошо же!.. Погоди!.. Ты у меня узнаешь!.. Все расскажу Алексею Акимычу!

И у меня от этих криков очень испортилось настроение. Потому что Алексей Акимыч – наш управдом. И он меня к маме отведет и папе нажалуется, и будет мне плохо. И я подумал, как хорошо, что его не было в домоуправлении и что мне, пожалуй, все-таки денька два-три надо не попадаться ему на глаза, пока все уладится. И тут у меня опять стало хорошее настроение, и я бодро-весело вышел из домоуправления. И как только я очутился во дворе, я сразу увидел целую толпу наших ребят. Они бежали и галдели, а впереди них довольно резво бежал Алексей Акимыч. Я страшно испугался. Я подумал, что он увидел нашу ракету, как она лежит взорванная, и, может быть, проклятая труба побила окна или еще что-нибудь, и вот он теперь бежит разыскивать виноватого, и ему кто-нибудь сказал, что это я главный виноватый, и вот он меня увидел, я прямо торчал перед ним, и сейчас он меня схватит! Я это все подумал в одну секунду, и, пока я все это додумывал, я уже бежал от Алексея Акимыча во всю мочь, но через плечо увидел, что он припустился за мной со всех ног, и я тогда побежал мимо садика, и направо, и бежал вокруг грибка, но Алексей Акимыч кинулся ко мне наперерез и прямо в брюках прошлепал через фонтан, и у меня сердце упало в пятки, и тут он меня ухватил за рубашку. И я подумал: все, конец. А он перехватил меня двумя руками под мышки и как подкинет вверх! А я терпеть не могу, когда меня за подмышки поднимают: мне от этого щекотно, и я корчусь как не знаю кто и вырываюсь. И вот я гляжу на него сверху и корчусь, а он смотрит на меня и вдруг заявляет ни с того ни с сего:

– Кричи «ура»! Ну! Кричи сейчас же «ура»!

И тут я еще больше испугался: я подумал, что он с ума сошел. И что, пожалуй, не надо с ним спорить, раз он сумасшедший. И я крикнул не слишком-то громко:

– Ура!.. А в чем дело-то?

И тут Алексей Акимыч поставил меня наземь и говорит:

– А в том дело, что сегодня второго космонавта запустили! Товарища Германа Титова!
Ну, что, не ура, что ли?

Тут я как закричу:

– Конечно, ура! Еще какое ура-то!

Я так крикнул, что голуби вверх шарахнулись. А Алексей Акимыч улыбнулся и пошел в свое домоуправление.

А мы всей толпой побежали к громкоговорителю и целый час слушали, что передавали про товарища Германа Титова, и про его полет, и как он ест, и все, все, все. А когда в радио наступил перерыв, я сказал:

– А где же Мишка?

И вдруг слышу:

– Я вот он!

И правда, оказывается, он рядом стоит. Я в такой горячке был, что его и не заметил. Я сказал:

– Ты где был?

– Я тут. Я все время тут.

Я спросил:

– А как наша ракета? Взорвалась небось на тысячи кусков?

А Мишка:

– Что ты! Целехонька! Это только труба так тарыхтела. А ракета, что ей сделается? Стоит как ни в чем не бывало!

– Бежим посмотрим?

И когда мы прибежали, я увидел, что все в порядке, все цело и можно играть еще сколько угодно. Я сказал:

– Мишка, а теперь два, значит, космонавта?

Он сказал:

– Ну да. Гагарин и Титов.

А я сказал:

– Они, наверно, друзья?

– Конечно, – сказал Мишка, – еще какие друзья!

Тогда я положил Мишке руку на плечо. У него узкое было плечо и тонкое. И мы с ним постояли смирно и помолчали, а потом я сказал:

– И мы с тобой друзья, Мишка. И мы с тобой вместе полетим в следующий полет.

И тогда я подошел к ракете, и нашел краску, и дал ее Мишке, чтобы он подержал. И он стоял рядом, и держал краску, и смотрел, как я рисую, и сопел, как будто мы вместе рисовали. И я увидел еще одну ошибку и тоже исправил, и когда я закончил, мы отошли с ним на два шага назад и посмотрели, как красиво было написано на нашем чудесном корабле «ВОСТОК-3».

И мы!..

Мы как только узнали, что наши небывалые герои в космосе называют друг друга Сокол и Беркут, так сразу порешили, что я теперь буду Беркут, а Мишка – Сокол. Потому что все равно мы будем учиться на космонавтов, а Сокол и Беркут такие красивые имена! И еще мы решили с Мишкой, что до тех пор, пока нас примут в космонавтскую школу, мы будем с ним понемножку закаляться как сталь. И как только мы это решили, я пошел домой и стал закаляться.

Я залез под душ и пустил сначала тепленькой водички, а потом, наоборот, поддал холодной. И я ее довольно легко перетерпел. Тогда я подумал, что раз дело идет так хорошо, надо, пожалуй, подзакалиться чуточку получше, и пустил ледянистую струю. Ого-го! У меня сразу вжался живот, и я покрылся пупырьками.

И так постоял с полчаса или минут пять и здорово закалился! И когда я потом одевался, то вспомнил, как бабушка читала стихи про одного мальчишку, как он посинел и весь дрожал.

А после обеда у меня потекло из носу, и я стал чихать.

Мама сказала:

– Выпей аспирина и завтра будешь здоров. Ложись-ка! На сегодня все!

И у меня сейчас же испортилось настроение. Я чуть было не заревел, но в это время под окошком раздался крик:

– Бе-еркут!.. А Беркут!.. Да Беркут же!..

Я подбежал к окошку, высунулся, а там Мишка!

Я сказал:

– Чего тебе, Сокол?

А он:

– Давай выходи на орбиту!

Это во двор, значит. Я ему говорю:

– Мама не пускает. Я простудился!

А мама потянула меня за ноги и говорит:

– Не высовывайся так далеко! Упадешь! С кем это ты?

Я говорю:

– Ко мне друг пришел. Небесный брат. Близнец! А ты мешаешь!

Но мама сказала железным голосом:

– Не высовывайся!

Я говорю Мишке:

– Мне мама не велит высовываться...

Мишка немножко подумал, а потом обрадовался:

– Не велит высовываться, и правильно. Это будет у тебя испытание на не-вы-со-вы-ва-е-мость!

Тогда я все-таки немножко высунулся и сказал ему тихонько:

– Эх, Сокол ты мой, Сокол! Мне тут, может, сутки безвыходно торчать!

А Мишка опять все по-своему перевернул:

– И очень хорошо! Прекрасная тренировка! Закрой глаза и лежи как в сурдокамере!

Я говорю:

– Вечером я с тобой установлю телефонную связь.

– Ладно, – сказал Мишка, – ты устанавливай со мной, а я – с тобой.

И он ушел.

А я лег на папин диван и закрыл глаза и тренировался на молчание. Потом встал и сделал зарядку. Потом понаблюдал в иллюминатор неведомые миры, а потом пришел папа, и я при-

нял ужин из натуральных продуктов. Самочувствие было превосходное. Я принес и разложил раскладушку.

Папа сказал:

– Что так рано?

А я сказал со значением:

– Вы как хотите, а я буду спать.

Мама положила мне руку на лоб и сказала:

– Ребенок заболел!

А я ничего ей не сказал. Если они не понимают, что это все тренировка на космонавта, то зачем объяснять? Не стоит. Потом сами узнают, из газет, когда их благодарить будут за то, что воспитали такого сына, как я!

Пока я думал, прошло довольно много времени, и я вспомнил, что пора налаживать телефонную связь с Мишкой.

Я вышел в коридор и набрал номер. Мишка подошел сразу, только у него был какой-то чересчур толстый голос:

– Нда-нда! Говорите!

Я сказал:

– Сокол, это ты?

А он:

– Что-что?

Я опять:

– Сокол, это ты или нет? Это Беркут! Как дела?

Он засмеялся, посопел и говорит:

– Очень остроумно! Ну, довольно разыгрывать. Сонечка, это вы?

Я говорю:

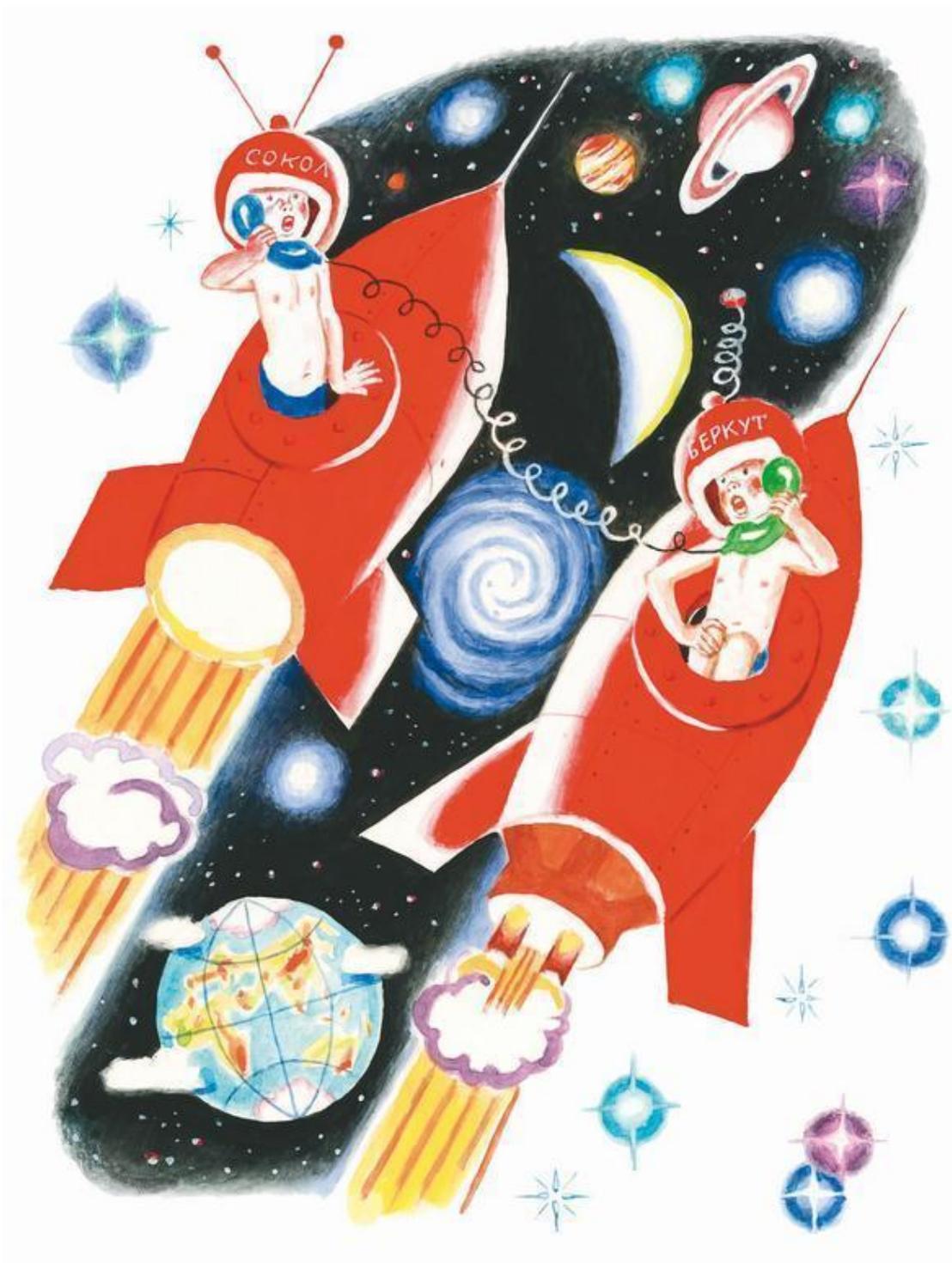
– Какая там еще Сонечка, это Беркут! Ты что, обалдел?

А он:

– Кто это? Что за выражения? Хулиганство! Кто это говорит?

Я сказал:

– Это никто не говорит.

И повесил трубку. Наверно, я не туда попал. Тут папа позвал меня, и я вернулся в комнату, разделся и лег. И только стал задремывать, вдруг: ззззз! Телефон! Папа вскочил и выбежал в коридор, и, пока я нашивал тапочки, я слышал его серьезный голос:

– Беркутова? Какого Беркутова? Здесь такого нет! Набирайте внимательно!

Я сразу понял, что это Мишка! Это связь! Я выбежал в коридор прямо в чем мать родила, в одних трусиках.

– Это меня, меня! Это я Беркут!

Папа сейчас же отдал мне трубку, и я закричал:

– Это Сокол? Это Беркут! Слушаю вас!

А Мишка:

– Докладывай, чем занимаешься!

Я говорю:

– Я сплю!

А Мишка:

– Я тоже! Я уже почти совсем заснул, да вспомнил одно важное дело! Беркут, слушай! Перед сном надо спеть! Вдвоем! На пару! Чтобы у нас получился космический дуэт!

Я прямо подпрыгнул:

– Молодец, Сокол! Давай любимую космонавтскую! Подпевай!

И я запел изо всех сил. Я хорошо пою, громко! Громче меня никто не может. Я по громкости первый в нашем хоре. И вот когда я запел, сейчас же изо всех дверей стали высыпать соседи, они кричали: «Безобразие... Что случилось... Уже поздно... Распустились... Здесь коммунальная квартира... Я думала, поросенка режут...», но папа им сказал:

– Это небесные близнецы, Сокол и Беркут, поют перед сном!

И тогда все замолчали.

А мы с Мишкой допели до конца:

*...На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы!*

Хитрый способ

– Вот, – сказала мама, – полюбуйтесь! На что уходит отпуск? Посуда, посуда, три раза в день посуда! Утром мой чашки, а днем целая гора тарелок. Просто бедствие какое-то!

– Да, – сказал папа, – действительно это ужасно! Как жалко, что ничего не придумано в этом смысле. Что смотрят инженеры? Да, да... Бедные женщины...

Папа глубоко вздохнул и уселся на диван.

Мама увидела, как он удобно устроился, и сказала:

– Нечего тут сидеть и притворно вздыхать! Нечего все валить на инженеров! Я даю вам обоим срок. До обеда вы должны что-нибудь придумать и облегчить мне эту проклятую мойку! Кто не придумает, того я отказываюсь кормить. Пусть сидит голодный. Дениска! Это и тебя касается. Намотай себе на ус!

Я сразу сел на подоконник и начал придумывать, как быть с этим делом. Во-первых, я испугался, что мама в самом деле не будет меня кормить и я, чего доброго, помру от голода, а во-вторых, мне интересно было что-нибудь придумать, раз инженеры не сумели. И я сидел и думал и искоса поглядывал на папу, как у него идут дела. Но папа и не думал думать. Он побрился, потом надел чистую рубашку, потом прочитал штук десять газет, а затем спокойно-ненько включил радио и стал слушать какие-то новости за истекшую неделю.

Тогда я стал думать еще быстрее. Я сначала хотел выдумать электрическую машину, чтобы сама мыла посуду и сама вытирала, и для этого я немножко развинтил наш электрополотер и папину электробритву «Харьков». Но у меня не получалось, куда прицепить полотенце.

Выходило, что при запуске машины бритва разрежет полотенце на тысячу кусочков. Тогда я все свинтил обратно и стал придумывать другое. И часа через два я вспомнил, что читал в газете про конвейер, и от этого я сразу придумал довольно интересную штуку. И когда наступило время обеда и мама накрыла на стол и мы все расселись, я сказал:

– Ну что, папа? Ты придумал?

– Насчет чего? – сказал папа.

– Насчет мойки посуды, – сказал я. – А то мама перестанет нас с тобой кормить.

– Это она пошутила, – сказал папа. – Как это она не будет кормить родного сына и горячо любимого мужа?

И он весело засмеялся.

Но мама сказала:

– Ничего я не пошутила, вы у меня узнаете! Как не стыдно! Я уже сотый раз говорю – я задыхаюсь от посуды! Это просто не по-товарищески: самим сидеть на подоконнике, и бриться, и слушать радио, в то время как я укорачиваю свой век, без конца мою ваши чашки и тарелки.

– Ладно, – сказал папа, – что-нибудь придумаем! А пока давайте же обедать! О, эти драмы из-за пустяков!

– Ах, из-за пустяков? – сказала мама и прямо вся вспыхнула. – Нечего сказать, красиво! А я вот возьму и в самом деле не дам вам обеда, тогда вы у меня не так запоете!

И она сжала пальцами виски и встала из-за стола. И стояла у стола долго-долго и все смотрела на папу. А папа сложил руки на груди и раскачивался на стуле и тоже смотрел на маму. И они молчали. И не было никакого обеда. И я ужасно хотел есть. Я сказал:

– Мама! Это только один папа ничего не придумал. А я придумал! Все в порядке, ты не беспокойся. Давайте обедать.

Мама сказала:

– Что же ты придумал?

Я сказал:

– Я придумал, мама, один хитрый способ!

Она сказала:

– Ну-ка, ну-ка...

Я спросил:

– А ты сколько моешь приборов после каждого обеда? А, мама?

Она ответила:

– Три.

– Тогда кричи «ура», – сказал я, – теперь ты будешь мыть только один! Я придумал хитрый способ!

– Выкладывай, – сказал папа.

– Давайте сначала обедать, – сказал я. – Я во время обеда расскажу, а то ужасно есть хочется.

– Ну что ж, – вздохнула мама, – давайте обедать.

И мы стали есть.

– Ну? – сказал папа.

– Это очень просто, – сказал я. – Ты только послушай, мама, как все складно получается! Смотри: вот обед готов. Ты сразу ставишь один прибор. Ставишь ты, значит, единственный прибор, наливаешь в тарелку супу, садишься за стол, начинаешь есть и говоришь папе: «Обед готов!»

Папа, конечно, идет мыть руки, и, пока он их моет, ты, мама, уже съедаешь суп и наливаешь ему нового, в свою же тарелку.

Вот папа возвращается в комнату и тотчас говорит мне:

«Дениска, обедать! Ступай руки мыть!»

Я иду. Ты же в это время ешь из мелкой тарелки котлеты. А папа ест суп. А я мою руки. И когда я их вымою, я иду к вам, а у вас папа уже поел супу, а ты съела котлеты. И когда я вошел, папа наливает супу в свою свободную глубокую тарелку, а ты кладешь папе котлеты в свою пустую мелкую. Я ем суп, папа – котлеты, а ты спокойно пьешь компот из стакана.

Когда папа съел второе, я как раз покончил с супом. Тогда он наполняет свою мелкую тарелку котлетами, а ты в это время уже выпила компот и наливаешь папе в этот же стакан. Я отодвигаю пустую тарелку из-под супа, принимаюсь за второе, папа пьет компот, а ты, оказываясь, уже пообедала, поэтому ты берешь глубокую тарелку и идешь на кухню мыть!

А пока ты моешь, я уже проглотил котлеты, а папа – компот. Тут он живенько наливает в стакан компоту для меня и относит свободную мелкую тарелку к тебе, а я залпом выдуваю компот и сам несу на кухню стакан! Все очень просто! И вместо трех приборов тебе придется мыть только один. Ура?

– Ура, – сказала мама. – Ура-то ура, только негигиенично!

– Ерунда, – сказал я, – ведь мы все свои. Я, например, нисколько не брезгую есть после папы. Я его люблю. Чего там... И тебя тоже люблю.

– Уж очень хитрый способ, – сказал папа. – И потом, что ни говори, а все-таки гораздо веселее есть всем вместе, а не трехступенчатым потоком.

– Ну, – сказал я, – зато маме легче! Посуды-то в три раза меньше уходит.
– Понимаешь, – задумчиво сказал папа, – мне кажется, я тоже придумал один способ.
Правда, он не такой хитрый, но все-таки...
– Выкладывай, – сказал я.
– Ну-ка, ну-ка... – сказала мама.
Папа поднялся, засучил рукава и собрал со стола всю посуду.
– Иди за мной, – сказал он, – я сейчас покажу тебе свой нехитрый способ. Он состоит в том, что теперь мы с тобой будем сами мыть всю посуду!

И он пошел.

А я побежал за ним. И мы вымыли всю посуду. Правда, только два прибора. Потому что третий я разбил. Это получилось у меня случайно, я все время думал, какой простой способ придумал папа.

И как это я сам не догадался?..

Друг детства

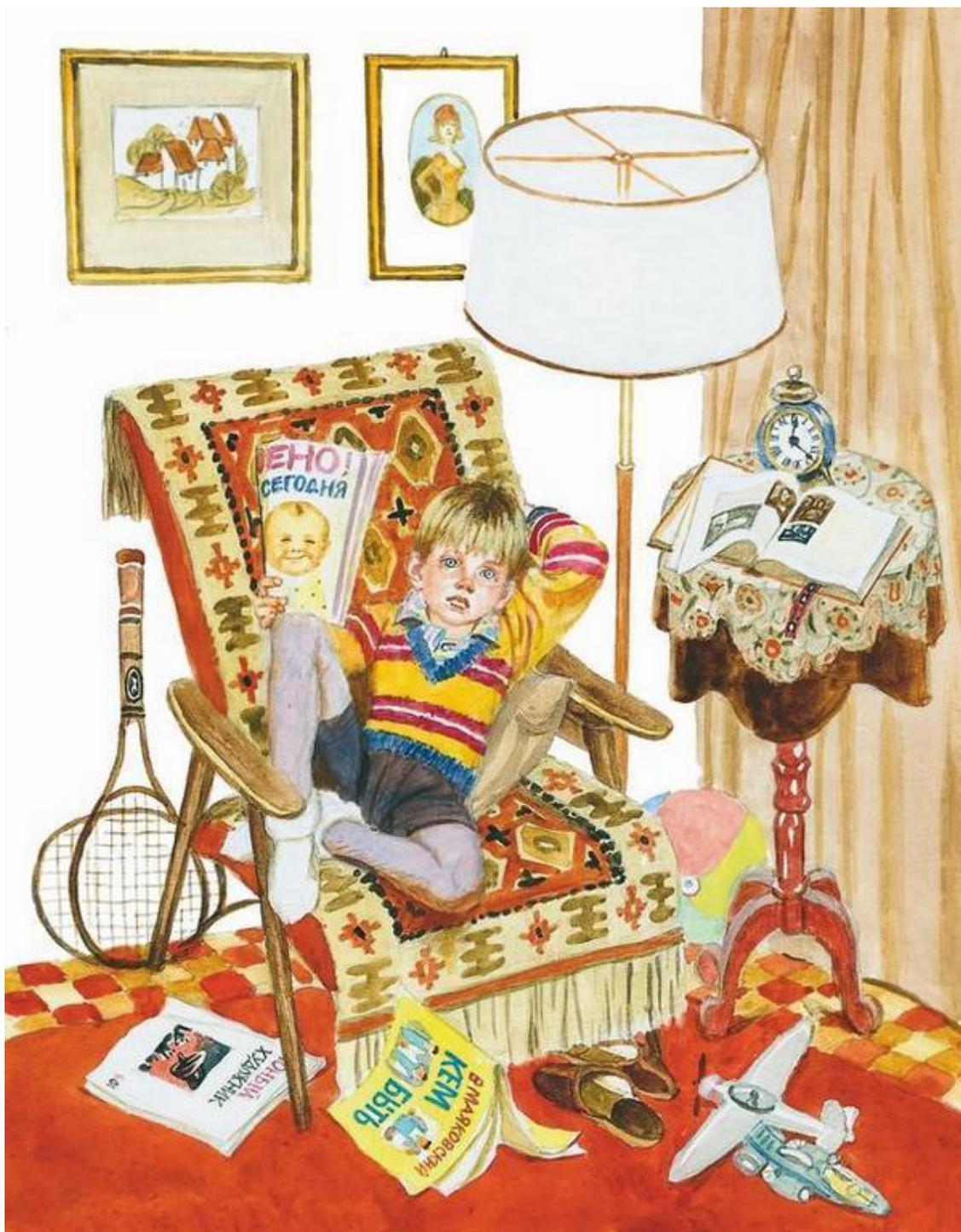
Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далекие звезды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далекий Сингапур, и купить там забавную обезьянку. А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

– Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полосы для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на утлом челноке, питаясь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе как дым, вот и все дела.

Когда я все это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксером, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга – просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжелую кожаную «грушу» – такой продолговатый тяжелый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. И я так наглядился на все на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать в случае чего.

- Я сказал папе:
- Папа, купи мне грушу!
 - Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.
- Я рассмеялся:
- Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксерскую грушу!
 - А тебе зачем? – сказал папа.
 - Тренироваться, – сказал я. – Потому что я буду боксером и буду всех побивать. Купи, а?
 - Сколько же стоит такая груша? – поинтересовался папа.
 - Пустяки какие-нибудь, – сказал я. – Рублей десять или пятьдесят.

– Ты спятил, братец, – сказал папа. – Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

И он оделся и пошел на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

– Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетеную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колес и на веревочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нашлепкой, обрывок паруса от лодки, и несколько погремушек, и много еще разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здоровущего плюшевого Мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:

– Вот. Это тот самый, что тебе тетя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший Мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не груша? Еще лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начи-най!

И тут ее позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил Мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный – желтый стеклянный, а другой большой белый – из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было не важно, потому что Мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдается...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим Мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянькал его, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные тверденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеется разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

– Ты что, – сказала мама, она уже вернулась из коридора. – Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слезы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

– Ты о чем, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксером.

Одна капля убивает лошадь

Когда папа заболел, пришел доктор и сказал:

– Ничего особенного, маленькая простуда. Но я вам советую бросить курить, у вас в сердце легкий шумок.

И когда он ушел, мама сказала:

– Как это все-таки глупо – доводить себя до болезней этими проклятыми папиросами. Ты еще такой молодой, а вот уже в сердце у тебя шумы и хрипы.

– Ну, – сказал папа, – ты преувеличиваешь! У меня нет никаких особенных шумов, а тем более хрипов. Есть всего-навсего один маленький шумишко. Это не в счет.

– Нет – в счет! – воскликнула мама. – Тебе, конечно, нужен не шумишко, тебя бы больше устроили скрип, лязг и скрежет, я тебя знаю...

– Во всяком случае, мне не нужен звук пилы, – перебил ее папа.

– Я тебя не пилю, – мама даже покраснела, – но пойми ты, это действительно вредно. Ведь ты же знаешь, что одна капля папиросного яда убивает здоровую лошадь!

Вот так раз! Я посмотрел на папу. Он был большой, спору нет, но все-таки поменьше лошади. Он был побольше меня или мамы, но, как ни верти, он был поменьше лошади и даже самой захудалой коровы. Корова бы никогда не поместилась на нашем диване, а папа помещался свободно. Я очень испугался. Я никак не хотел, чтобы его убивала такая капля яда. Не хотел я этого никак и ни за что. От этих мыслей я долго не мог заснуть, так долго, что не заметил, как все-таки заснул.

А в субботу папа выздоровел, и к нам пришли гости. Пришел дядя Юра с тетей Катей, Борис Михайлович и тетя Тамара. Все пришли и стали вести себя очень прилично, а тетя Тамара как только вошла, так вся завертелась, и затрещала, и уселась пить чай рядом с папой. За столом она стала окружать папу заботой и вниманием, спрашивала, удобно ли ему сидеть, не дует ли из окна, и в конце концов до того наокружалась и назаботилась, что всыпала ему в чай три ложки сахара. Папа размешал сахар, хлебнул и сморщился.

– Я уже один раз положила сахар в этот стакан, – сказала мама, и глаза у нее стали зеленые, как крыжовник.

А тетя Тамара расхохоталась во все горло. Она хохотала, как будто кто-то под столом кусал ее за пятки. А папа отодвинул переслащенный чай в сторону. Тогда тетя Тамара вынула из сумочки тоненький портсигарчик и подарила его папе.

– Это вам в утешение за испорченный чай, – сказала она. – Каждый раз, закуривая папироску, вы будете вспоминать эту смешную историю и ее виновницу.

Я ужасно разозлился на нее за это. Зачем она напоминает папе про курение, раз он за время болезни уже почти совсем отвык? Ведь одна капля курильного яда убивает лошадь, а она напоминает. Я сказал:

«Вы дура, тетя Тамара! Чтоб вы лопнули! И вообще вон из моего дома. Чтобы ноги вашей толстой больше здесь не было».

Я сказал это про себя, в мыслях, так, что никто ничего не понял.

А папа взял портсигарчик и повертел его в руках.

– Спасибо, Тамара Сергеевна, – сказал папа, – я очень тронут. Но сюда не войдет ни одна моя папироска, портсигар такой маленький, а я курю «Казбек». Впрочем...

Тут папа взглянул на меня.

– Ну-ка, Денис, – сказал он, – вместо того чтобы выдувать третий стакан чаю на ночь, пойди-ка к письменному столу, возьми там коробку «Казбека» и укороти папироски, обрежь так, чтобы они влезли в портсигар. Ножницы в среднем ящике!

Я пошел к столу, нашел папиросы и ножницы, примерил портсигар и сделал все, как он велел. А потом отнес полный портсигарчик папе. Папа открыл портсигарчик, посмотрел на мою работу, потом на меня и весело рассмеялся:

– Полюбуйтесь-ка, что сделал мой сообразительный сын!

Тут все гости стали наперебой выхватывать друг у друга портсигарчик и оглушительно хохотать. Особенно старалась, конечно, тетя Тамара. Когда она перестала смеяться, она согнула руку и костяшками пальцев постучала по моей голове.

– Как же это ты догадался оставить целыми картонные мундштуки, а почти весь табак отрезать? Ведь курят-то именно табак, а ты его отрезал! Да что у тебя в голове – песок или опилки?

Я сказал:

«Это у тебя в голове опилки, Тамарище Семипудовое».

Сказал, конечно, в мыслях, про себя. А то бы меня мама заругала. Она и так смотрела на меня что-то уж чересчур пристально.

– Ну-ка, иди сюда, – мама взяла меня за подбородок, – посмотри-ка мне в глаза!

Я стал смотреть в мамины глаза и почувствовал, что у меня щеки стали красные, как флаги.

– Ты это сделал нарочно? – спросила мама.

Я не мог ее обмануть.

– Да, – сказал я, – я это сделал нарочно.

– Тогда выйди из комнаты, – сказал папа, – а то у меня руки чешутся.

Видно, папа ничего не понял. Но я не стал ему объяснять и вышел из комнаты.

Шутка ли – одна капля убивает лошадь!

Красный шарик в синем небе

Вдруг наша дверь распахнулась, и Аленка закричала из коридора:

– В большом магазине весенний базар!

Она ужасно громко кричала, и глаза у нее были круглые, как кнопки, и отчаянные. Я сначала подумал, что кого-нибудь зарезали. А она снова набрала воздух и давай:

– Бежим, Дениска! Скорее! Там квас шипучий! Музыка играет, и разные куклы! Бежим!

Кричит, как будто случился пожар. И я от этого тоже как-то заволновался, и у меня стало щекотно под ложечкой, и я заторопился и выскочил из комнаты.

Мы взяли с Аленкой за руки и побежали как сумасшедшие в большой магазин. Там была целая толпа народу и в самой середине стояли сделанные из чего-то блестящего мужчина и женщина, огромные, под потолок, и, хотя они были ненастоящие, они хлопали глазами и шевелили нижними губами, как будто говорят. Мужчина кричал:

– Весенний базарrrr! Весенний базарrrr!

А женщина:

– Добро пожаловать! Добро пожаловать!

Мы долго на них смотрели, а потом Аленка говорит:

– Как же они кричат? Ведь они ненастоящие!

– Просто непонятно, – сказал я.

Тогда Аленка сказала:

– А я знаю. Это не они кричат! Это у них в середине живые артисты сидят и кричат себе целый день. А сами за веревочку дергают, и у кукол от этого шевелятся губы.

Я прямо расхохотался:

– Вот и видно, что ты еще маленькая. Станут тебе артисты в животе у кукол сидеть целый день. Представляешь? Целый день скрючившись – устанешь небось! А есть, пить надо? И еще разное, мало ли что... Эх ты, темнота! Это радио в них кричит.

Аленка сказала:

– Ну и не задавайся!

И мы пошли дальше. Всюду было очень много народу, все разодетые и веселые, и музыка играла, и один дядька крутил лотерею и кричал:

*Подходите сюда поскорее,
Здесь билеты вещевой лотереи!
Каждому выиграть недолго
Легковую автомашину «Волга»!
А некоторые сгоряча
Выигрывают «Москвича»!*

И мы возле него тоже посмеялись, как он бойко выкрикивает, и Аленка сказала:

– Все-таки когда живое кричит, то интересней, чем радио.

И мы долго бегали в толпе между взрослых и очень веселились, и какой-то военный дядька подхватил Аленку под мышки, а его товарищ нажал кнопку в стене, и оттуда вдруг забрызгал одеколон, и когда Аленку поставили на пол, она вся пахла леденцами, а дядька сказал:

– Ну что за красотулечка, сил моих нет!

Но Аленка от них убежала, а я – за ней, и мы наконец очутились возле кваса. У меня были деньги на завтрак, и мы поэтому с Аленкой выпили по две большие кружки, и у Аленки живот сразу стал как футбольный мяч, а у меня все время шибало в нос и кололо в носу иголочками. Здорово, прямо первый сорт, и когда мы снова побежали, то я услышал, как квас во мне булькает. И мы захотели домой и выбежали на улицу. Там было еще веселей, и у самого входа стояла женщина и продавала воздушные шарики.

Аленка, как только увидела эту женщину, остановилась как вкопанная. Она сказала:

– Ой! Я хочу шарик!

А я сказал:

– Хорошо бы, да денег нету.

А Аленка:

– У меня есть одна денежка.

– Покажи.

Она достала из кармана.

Я сказал:

– Ого! Десять копеек. Тетенька, дайте ей шарик!

Продавщица улыбнулась:

– Вам какой? Красный, синий, голубой?

Аленка взяла красный. И мы пошли. И вдруг Аленка говорит:

– Хочешь поносить?

И протянула мне ниточку. Я взял. И сразу как взял, так услышал, что шарик тоненько-тоненько потянул за ниточку! Ему, наверно, хотелось улететь. Тогда я немножко отпустил ниточку и опять услышал, как он настойчиво так потягивается из рук, как будто очень просится улететь. И мне вдруг стало его как-то жалко, что вот он может летать, а я его держу на привязи, и я взял и выпустил его. И шарик сначала даже не отлетел от меня, как будто не поверил, а потом почувствовал, что это вправду, и сразу рванулся и взлетел выше фонаря.

Аленка за голову схватилась:

– Ой, зачем, держи!..

И стала подпрыгивать, как будто могла допрыгнуть до шарика, но увидела, что не может, и заплакала:

– Зачем ты его упустил?..

Но я ей ничего не ответил. Я смотрел вверх на шарик. Он летел кверху плавно и спокойно, как будто этого и хотел всю жизнь.

И я стоял, задрал голову, и смотрел, и Аленка тоже, и многие взрослые остановились и тоже позадирали головы – посмотреть, как летит шарик, а он все летел и уменьшался.

Вот он пролетел последний этаж большущего дома, и кто-то высунулся из окна и махал ему вслед, а он еще выше и немножко вбок, выше антенн и голубей, и стал совсем маленький... У меня что-то в ушах звенело, когда он летел, а он уже почти исчез. Он залетел за облачко, оно было пушистое и маленькое, как крольчонок, потом снова вынырнул, пропал и совсем скрылся из виду и теперь уже, наверно, был около Луны, а мы все смотрели вверх, и в глазах у меня замелькали какие-то хвостатые точки и узоры. И шарика уже не было нигде. И тут Аленка вздохнула еле слышно, и все пошло по своим делам.

И мы тоже пошли, и молчали, и всю дорогу я думал, как это красиво, когда весна на дворе, и все нарядные и веселые, и машины туда-сюда, и милиционер в белых перчатках, а в чистое, синее-синее небо улетает от нас красный шарик. И еще я думал, как жалко, что я не могу это все рассказать Аленке. Я не сумею словами, и если бы сумел, все равно Аленке бы это было непонятно, она ведь маленькая. Вот она идет рядом со мной, и вся такая притихшая, и слезы еще не совсем просохли у нее на щеках. Ей небось жаль свой шарик.

И мы шли так с Аленкой до самого дома и молчали, а возле наших ворот, когда стали прощаться, Аленка сказала:

– Если бы у меня были деньги, я бы купила еще один шарик... чтобы ты его выпустил.

Подзорная труба

Я сидел на подоконнике, натянув рубашку на колени, потому что штаны были у мамы.

– Нет, – сказала мама и отодвинула в сторону нитки с иглой. – Я не могу больше с этим мальчишкой!

– Да, – сказал папа и сложил газету. – На нем черти рвут, он лазает по заборам, он скачет по деревьям и носится по крышам. На него не напасешься!

Папа помолчал, зловеще поглядел на меня и наконец решительно объявил:

– Но я наконец придумал средство, которое раз и навсегда избавит нас от этого бедствия.

– Я не нарочно, – сказал я. – Что я, нарочно, что ли, да? Оно само.

– Конечно, оно само, – ядовито сказала мама. – У твоих штанов такой скверный характер, что они нарочно целыми днями подстерегают каждый гвоздик, цепляются за него и потом рвутся специально для того, чтобы позлить твою маму. Вот какие коварные штаны! Оно само! Оно само!

Мама могла так кричать «оно само» до утра, потому что у нее уже разыгрались нервы, это было видно невооруженным глазом. Поэтому я сказал папе:

– Ну, так что же ты придумал?

Папа сделал строгое лицо и сказал маме:

– Тебе нужно напрячь все свои способности и изобрести аппарат, который обеспечивал бы тебе наблюдение за твоим сыном в часы отсутствия. Мне сегодня некогда, сегодня «Спар-

так» – «Торпедо», а ты, ты садись к столу и, не теряя времени, изобрази сейчас же подозрную трубу. У тебя это очень хорошо получится, я знаю, что ты человек в этом отношении весьма талантливый.

Папа встал, порылся у себя в столе и положил перед мамой маленькое зеркальце с отбитым уголком, довольно большой магнит и несколько разных гвоздочков, пуговицу и еще чего-то.

– Вот, – сказал он, – это тебе необходимые материалы. В поиск, смелые и любознательные!

Мама проводила его к дверям, потом вернулась и отпустила и меня во двор погулять. А когда мы вечером все сошлись за ужином, у мамы были перепачканы клеем пальцы, и на столе лежала довольно симпатичная синенькая и толстая труба. Мама взяла ее, издали показала мне и сказала:

– Ну, Денис, смотри внимательно!

– Это что? – спросил я.

– Это подозрная труба! Мое изобретение! – ответила мама.

Я сказал:

– Окрестности озирать?

Она улыбнулась:

– Никакие не окрестности! А за тобой присматривать.

Я сказал:

– А как?

– А очень просто! – сказала мама. – Я изобрела и сконструировала подозрную трубу для родителей, вроде подозрной трубы для моряков, только гораздо лучше.

Папа сказал:

– Ты объясни, пожалуйста, популярно, в чем тут дело, какие принципы положены в основу изобретения, какие проблемы оно решает, ну, и так далее. Прошу!

Мама встала у стола, как учительница у доски, и заговорила докладческим голосом:

– Теперь, когда я буду уходить из дому, я всегда буду видеть тебя, Денис. Я могу удаляться от дома на расстояние от пяти до восьми километров, но чуть я почувствую, что давно тебя не видела и что мне интересно, что ты сейчас вытворяешь, я сразу – чик! Направляю свою трубу в сторону нашего дома – и готово! – вижу тебя во весь рост.

Папа сказал:

– Отлично! Эффект Шницель-Птуцера!

Тут я немножко оторопел. Я никогда не думал, что мама может изобрести такую штуку. Ведь такая с виду худенькая, а смотри-ка! Эффект Шницель-Птуцера!

Я сказал:

– А как же, мама, ты будешь знать, где наш дом?

Она ответила, нисколько не задумываясь:

– А у меня в трубе сидит компасный магнит. Он всегда показывает на наш дом.

– Реакция Бабкина-Няньского, – сказал папа.

– Совершенно верно, – продолжала мама. – Таким образом, если ты, Денис, заберешься на забор или еще куда, это мне сразу будет видно.

Я сказал:

– А там у тебя что? Экран, что ли?

Она ответила:

– Конечно. Помнишь зеркальце? Оно отбрасывает твоё изображение прямо мне внутрь головы. Я сразу вижу, стреляешь ты из рогатки или просто так мяч гоняешь, безо всякого смысла.

– Обыкновенный закон Кранца-Ничиханца. Ничего особенного, – проворчал папа и вдруг, оживившись, спросил: – Прости, прости, пожалуйста, я перебыю тебя. Один вопросик можно?

– Да, задавай, – сказала мама.

– Твоя подзорная труба что, она работает на электричестве или на полупроводниках?

– На электричестве, – сказала мама.

– О, тогда я тебя предупреждаю, – сказал папа, – ты берегись замыканий. А то где-нибудь замкнет, и у тебя в мозгах произойдет вспышка.

– Не произойдет, – сказала мама. – А предохранитель на что?

– Ну, тогда другое дело, – сказал папа. – Но ты все-таки поглядывай, а то, знаешь, я буду волноваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.